Похититель душ

Автор:
Алекс Д

Похититель душ

Алекс Д

Лана Мейер

Другой мир. Дворцовые интриги. Неразгаданные веками тайны. Она вернется – та, чьи прикосновения оставляют ожоги на его теле. Та, чьи поцелуи для него – погибель. Он – первородное зло, воин, темный жрец с несгибаемой волей, не прощающий предательств. Что скрывается за многовековой ненавистью? Как смотреть в глаза тому, кого любила больше жизни, до тех пор, пока он хладнокровно не убил тебя, вонзив кинжал в сердце? "В этом мире ты бессмертна. Пока я не решу иначе..". Содержит нецензурную брань.

Для оформления обложки использованы фото со стока depositphotos.com автора Loraliu (https://ru.depositphotos.com/portfolio-1000802.html)https://ru.depositphotos.com/53966703/stock-photo-staircase-leading-to-heaven-or.html (https://ru.depositphotos.com/53966703/stock-photo-staircase-leading-to-heaven-or.html), автора PawelSierak https://ru.depositphotos.com/35310947/stock-photo-attractive-muscular-man-posing-witf.html (https://ru.depositphotos.com/35310947/stock-photo-attractive-muscular-man-posing-witf.html), автора rbvrbv (https://ru.depositphotos.com/portfolio-1003473.html) https://ru.depositphotos.com/221022640/stock-photo-young-elf-girl-night-forest.html

Глоссарий

Иас – планета, на которой находятся Элиос и Креон.

Минтака – погибшая цивилизация.

Минты – представители древней цивилизации Минтака.

Элиос – обитаемый остров на благоприятной половине Иаса, образовавшийся после гибели Минтаки.

Креон – остров, покрытий вечными льдами.

Арьяна – древний храм минтов, разрушенный во время Черной Жатвы.

ОРИ – светлое божество, создатель Минтаки, покровитель Элиоса.

Элейн – богиня Луны, любви, плодородия и равновесия, спутница Ори.

Сах – темное божество, покровитель Креона.

Совет Семи Правителей – избранные посланники Ори, правившие Минтакой до крушения. Погибли в ходе Черной Жатвы, но оставили после себя дочерей и сыновей.

Рия – жрица Ори, ими могут быть только потомки Семи Правителей.

Жрецы (темные, светлые) – посланники Богов, излучающие силу и энергию того, кому они служат.

Аспис Элиоса – легендарное Оружие, созданное Ори.

Стрелы(молнии) Креона – легендарное оружие Саха.

Зеркала Креона – семь порталов в параллельные миры.

Черная жатва – глобальная катастрофа, которая уничтожила Минтаку.

Хранитель Врат —темный жрец или маг, избранный Сахом, или унаследовавший силу от предыдущего хранителя.

Плезир – заведение, где обучают доставлять удовольствие мужчинам.

Аманта – фаворитка

Харим – гарем

Одала – рабыня

Амид – хозяин

Дагон – древняя рептилия. Змеевидное огромное существо.

Оран – крупное животное, обитающее в Креоне и обладающее невероятной силой. Укус Орана смертелен.

Ромул – крупное животное, прототип – мамонт.

Феникс – птица-покровитель богини Луны.

Белый Арабу – вестник Оракула

Оракул Оминус – божественное древне существо, провидец.

Нейтральные Земли – место обитания Оминуса.

Пересечения – семь секторов Элиоса, являющиеся самостоятельными территориальными единицами.

Главы Пересечений – маги или жрецы, назначенные Правителем.

Правитель Элиоса – последний потомок Избранных Ори Правителей Минтаки.

Одилирия – одержимость

Obsena! (*прим. минтакийский язык – с*ка, дрянь)

Белые слезы Ори – снег

Пролог

«Ты никогда не поймешь и не узнаешь, чего стоило превратить твоё имя в пыль.»

(с)

Марита Берже

The New York Times: Двадцатилетняя Лианна Мартин пропала без вести во время круиза на яхте. ФБР подозревает в пропаже девушки ее бойфренда, миллиардера Оуэна Смита.

Трагедия произошла во время обычной морской прогулки. Вместе со своим приятелем Лианна Мартин отдыхала на яхте в акватории Эгейского моря недалеко от берегов Санторини. Оуэн Смит заснул в каюте и обнаружил пропажу Лианны только утром. По рации он связался с береговой охраной и сообщил об исчезновении своей подруги. Неизвестно, предшествовал ли данному инциденту конфликт, и имелись ли у наследника империи Смитов причины избавиться от мисс Мартин подобным способом.

Береговая охрана двое суток обследовала акваторию в радиусе движения яхты, но никаких следов девушки, как и ее тела, обнаружено не было. Сама яхта так же была тщательно изучена. В настоящий момент ведется расследование, в котором примет участие ФБР.

Оуэн Смит был задержан для дачи показаний и спустя несколько часов отпущен под залог в три миллиона долларов. Он воздерживается от комментариев, но близкие ему люди заявляют о подавленном состоянии молодого человека и активном желании помочь следствию в поисках его подруги.

Глава 1

Некоторое время назад.

Лианна

Всего один шаг, и я сорвусь в пропасть.

Впереди только бездна, сто метров свободного полета и бесконечные воды Эгейского моря, покрытые вулканическим пеплом. Всматриваюсь в блики на волнах, отраженные от разноцветных огней, в которых утопает Иа (*город). В этой части острова Санторини ночная жизнь только началась, но мне давно наскучили одинаковые тусовки с лживыми улыбками, пустыми разговорами и дорогим алкоголем. В последнее время я все чаще сбегаю с таких мероприятий на террасу, но где бы я ни пряталась, Оуэн всегда находит свою «дорогую куклу». Еще чуть-чуть, и он приставит ко мне телохранителя.

Мое сердце стучит в резонанс с танцевальной музыкой, сотрясающей виллу. Оуэн закатил очередную вечеринку для своих друзей, но очень скоро заявится сюда, и я опять буду вынуждена терпеть его раздражающее внимание, постоянные прикосновения и строить из себя вечно голодную по нему кошку.

Но он может опоздать. Что, если я сделаю всего один маленький шажок…

Не могу всерьез думать об этом, пока в мире есть человек, которому я необходима. Крис не сможет без меня. И пока он еще дышит, я не имею права…лишать его второго шанса.

На самом деле я никогда не смогу сделать этот шаг в бездну. Я так отчаянно хочу жить…дышать полной грудью, не оглядываться назад, радоваться каждому новому дню, наслаждаясь свободой и новыми возможностями. Но единственное чувство, которое преследует меня, сколько себя помню, это:

Для меня здесь нет места.

Эти пять слов запечатлены в моем сердце еще со времен учебы в школе. Одни одноклассники откровенно издевались надо мной, другие — боялись. Тогда я не придавала их обидным словам значения и наслаждалась одиночеством, продолжая поглядывать на всех свысока. Наверное, за этот взгляд меня еще больше ненавидели… Только сейчас понимаю, что всегда была странной, словно отрешенной от внешнего мира, и вечно витала в своих фантазиях.

Я не люблю вспоминать о детстве. Точнее не хочу…до того, как Крис взял меня под опеку, я жила в приюте Камдена (*бедный город с высоким уровнем преступности, штат Нью—Джерси), и не могу вспомнить ничего кроме жестокого обращения воспитателей и постоянных издевок со стороны ровесников.

Уродливая. Странная. Ненормальная.

Я толком не понимала, почему заслужила подобные «комплименты» в свой адрес: внешне я сильно выделялась на фоне общей массы, но никогда не вступала в конфликтные ситуации первая. Я скорее всегда оказывалась рядом, когда с другими детьми происходили нехорошие вещи. Они падали на ровном месте и ломали руки, ноги. Или прорывало кран с горячей водой. Всего и не вспомнить. Но я уж точно не виновата в том, что наш городок периодически одолевали стихийные бедствия: ураганы, землетрясения, шаровые молнии во время грозы, залетающие прямо в класс.

Одиночество, пустая комната и мир моих фантазий были для меня раем, а школа — клеткой, адом, наполненным чертями.

Единственным близким человеком в этом безжалостном чистилище стал для меня Крис. Мой старший брат. Он старше на десять лет. Мы оба выросли в интернате, но он забрал меня сразу, как только достиг совершеннолетия. Наверное, мне повезло, потому что Крис – лучший человек в этом мире. И самый

честный. Когда его призвали в армию, он без сомнений пошел служить. Наш светлый и хрупкий мир был разрушен войной в Ираке. Крис вернулся оттуда живым, но травмы, которые он получил во время военных действий, оказались несовместимы с полноценной жизнью. Он делал для меня все возможное, спас из ада, в котором прошло мое детство, и сейчас я не могу сдаться и просто так оставить его. Я буду бороться до последнего… Благодаря отношениям с Оуэном у меня есть деньги на содержание брата в лучшей клинике и на необходимые дорогостоящие медикаменты.

– Пожалуйста, дайте знать, если Крису станет лучше, – закусываю нижнюю губу, с силой сжимая телефон в ладони. У меня сердце не на месте от мысли о том, что он там совсем один…пока я вынуждена развлекаться со своим парнем на Санторини.

А есть ли выбор? Мне нужны деньги Оуэна, а Оуэну нужна я.

– Мне очень жаль, мисс Мартин. На этот раз мы не можем ему помочь… Боли очень сильные. Остается только ждать. Ему необходим дополнительный комплекс процедур. Мы хотим попробовать новый препарат с вашего разрешения, но боюсь, шансы на то, что он поможет, не так высоки, как бы нам хотелось. Простите, но вы должны знать всю правду, – меня передергивает от ее слов, от проклятого лицемерия, от этого дурацкого «мне очень жаль», в котором нет ни капли искреннего сострадания. И нет надежды. Она могла бы оставить ее мне, неужели так трудно? Иногда я тоже нуждаюсь в банальной фразе «все будет хорошо», какой бы лживой она ни была. Мне необходима надежда, смысл… хоть какой-то смысл моего существования и пребывания в этом мире.

В мире, где каждый знает свое место… кроме меня.

Нажимаю на красную кнопку и, резко замахиваясь, швыряю телефон прямо в непроглядную тьму, где он мгновенно растворяется. Плевать. Оуэн купит мне тридцать таких телефонов, если я буду «послушной девочкой».

В наших отношениях все довольно просто. Он мой спонсор. Я его игрушка. И я получаю огромное удовольствие от своей «работы», не считая таких редких моментов, как сегодня, когда кажется, что все идет не так, что все неправильно. Зачем прыгать в бездну, когда моя жизнь сама по себе – непроглядная пропасть, и я просто барахтаюсь на дне, плыву по течению и жду, к какому берегу меня

прибьет…

Бесконечные сине-золотые огни, в которых утопает город Иа, расплывается перед моим взором. Тягучая пелена слёз почти лишает меня зрения. Сотни белоснежных домов, отелей и вилл превращаются в непроглядное грязно-синее пятно, а затем и в воронку, которая поглощает меня словно черная дыра.

Прикрываю веки, чтобы удержать слезы. И тут же вновь распахиваю их, не в силах оторваться от бликов на воде. Ночью моря почти не видно, но вне зависимости от времени суток оно манит меня так, словно в прошлой жизни я была русалкой.

Глупо. Ведь нет никаких прошлых жизней.

Горько усмехаюсь, разворачиваясь на самом краю ничем не огороженной террасы. Сердце пропускает удар, и на доли секунд мне кажется, что я срываюсь вниз – в бездну, куда я так хотела. Но уже в следующее мгновение чувствую крепкие мужские руки, крепко обвивающие мою талию. Запах дорогого парфюма проникающий в легкие с каждым вдохом.

Конечно, Оуэн не может оставить свою дорогую игрушку ни на секунду. И спас он меня только потому, что ему было бы жалко потерять то, во что уже вложил так много денег. Теперь он хочет вдоволь наиграться со своей малышкой, из которой сотворил идеальную куклу. Салоны красоты, массажи и SPA – обычные пункты в моей ежедневной рутине. И мне нравится такая жизнь, несмотря на приступы отчаяния, беспомощности и отвращения, как сегодня. После такого дерьмового детства я имею полное право пользоваться своей внешностью и обаянием, использовать таких, как Оуэн – недалеких наследников бизнес-империй. Я умею заговаривать Оуэну зубы, пленить, заставлять думать обо мне и скучать, с какой женщиной бы он не проводил время. Мне хорошо и удобно, да и Оуэн не жалуется. Мое настроение меняется со скоростью ветра, но я очень редко обделяю его лаской и вниманием. Например, сегодня.

– Искупаться захотела, моя куколка? И меня не позвала? – Оуэн не теряет времени и тут же прижимает меня к барной стойке, расположенной на террасе. Его эрекция упирается мне в бедра. Так всегда. Ему плевать, что я только что едва не погибла. Он не замечает слез в моих глазах, Оуэну просто наскучила вечеринка и его друзья. Если бы ему не приспичило потрахаться прямо здесь и

сейчас, он бы обо мне даже не вспомнил.

Игнорирую вопрос Оуэна, не в силах выдавить из себя ни слова. Ком в горле, сердце разрывает грудную клетку, а в голове до сих пор звучат слова медсестры, пока перед внутренним взором я вижу бледное лицо Криса, сливающееся с белоснежной подушкой. В последний раз, когда мы виделись, он был совсем плох.

– Что такая хмурая, а? Отвечай, когда я спрашиваю, – страстно рычит Оуэн, впиваясь зубами в мою шею. Издаю тихий стон, подавив волну отвращения, охватившую тело. Иногда мне нравится трахаться с Оуэном, и я даже получаю кайф, доставляя ему удовольствие и позволяя брать себя во всех возможных позах, но сейчас мне совершенно этого не хочется.

И все же попытаться договориться стоит:

– Милый, пожалуйста. Я что-то нехорошо себя чувствую, – нежно мурлыкаю я, вживаясь в свою роль идеальной ласковой кошечки для Оуэна. Мистер Смит занимает пятнадцатое место в списке Forbs…и этот список называется «самые богатые наследники Американских миллиардеров». В жизни он не работал ни единого дня, и в свои тридцать лет только и делает, что путешествует по миру, кувыркается с моделями и утопает в наркотиках и алкоголе. Что он нашел во мне? Сама не знаю. Как только мне исполнилось восемнадцать, я подала резюме в «модельное агентство». Мечтала о том, что прославлюсь благодаря своей необычной внешности. Серебристые волосы до середины бедра и серые глаза с фиолетовым отливом – редкость. Лишь 1% людей в мире может похвастаться подобным цветом радужки, но и этот факт оказался бессилен перед «высокой модой». В проклятом агентстве нас готовили явно не для подиума. А для таких, как Оуэн. Нет, это не проституция и даже не эскорт. Я могла отказаться от встреч с ним. Но брату тогда срочно понадобились лекарства, нужно было заплатить за несколько месяцев его пребывания в клинике с круглосуточным уходом…так сложились звезды, поэтому вместе с Оуэном мы уже два года.

К счастью, Оуэн Смит собственник, и пока не хочет ни с кем делиться своей куклой. Было бы гораздо хуже, если бы я меняла спонсора каждые три месяца. А так…можно сказать, мы почти в серьезных отношениях. Не считая того, что иногда я терпеть его не могу, а он спит с кучей других женщин. Но всегда возвращается ко мне.

– Не упрямься, Лианна, – Оуэн рывком разворачивает меня к себе, его горячее дыхание обдает мои щеки и губы. – Я даю тебе все, что ты хочешь, Ли. И требую не так много взамен. Ты должна всегда быть готова для меня. Только время теряем из-за твоего показного упрямства. Признаюсь, иногда это заводит, но сейчас я хочу свою шлюху быстро и дико, – грубо бросает Оуэн, его зелено-карие глаза сверкают нездоровым блеском. Всего секунда, и я отвешиваю ему пощечину. Не скуплюсь, бью в полную силу. Его щека мгновенно краснеет, но на губах застывает довольная усмешка. Богатый ублюдок под кайфом.

– Попробуй только еще раз меня так назвать, – сквозь зубы шепчу я, мечтая врезать ему не только по лицу. Обещаю, я так и сделаю, если он еще раз назовет меня шлюхой.

– Сука, – свирепеет Оуэн, хватая мои руки и заводя их за спину, прижимает к барной стойке. Мой взгляд скользит по смазливым чертам его лица, искаженным кайфом и неудовлетворенностью. Иногда я нахожу Смита привлекательным, иногда – нет. Зависит от настроения. Смерив его снисходительным взглядом, выплевываю прямо в лицо:

– Не ра—зго—ва—ри—вай со мной так, – по слогам проговариваю я, напоминая ему, что могу уйти в любой момент. В агентстве очередь из мужчин, которые только этого и ждут, поэтому я никогда не позволяю Оуэну вытирать об меня ноги, несмотря на то, что материально целиком и полностью завишу от него. На самом деле он куда больше боится меня потерять. Ведь ни у кого такой нет, как я…в необычной внешности есть свои плюсы.

– У меня, правда, болит живот, – уже спокойным, слегка грустным голоском лепечу я, изображая на лице все оттенки усталости и боли.

– Малыш, у меня есть кое-что, что снимет твою боль, – его губы расплываются в хитрой ухмылке, и он показывает мне небольшой пузырек, зажатый между средним и указательным пальцем. – И ты захочешь этого, так же, как и я, – яростно шипит Оуэн, потираясь членом о тонкую ткань моего платья, которое постепенно задирается при каждом движении его бедер.

– Я итак тебя хочу. Без всяких таблеток, – мягко шепчу я, испытывая жгучее отвращение к самой себе. К этой девушке, которая вынуждена носить маску двадцать четыре на семь. Расплываюсь в нежной улыбке, медленно проводя

пальчиком по его ключицам. Выхватываю пузырек и, не моргая, глядя ему в глаза, тянусь к губам Оуэна…в последний момент, когда его рот приоткрывается для поцелуя, прикладываю палец к губам мужчины и обещаю:

– Подожди меня на вечеринке. Я немного подышу свежим воздухом и вернусь. А это – оставь себе, – прошу его я, возвращая ему пузырек, и чувствую, как Оуэн отстраняется. Он окидывает меня голодным взглядом, к которому я привыкла, и пренебрежительно рявкает:

– Если через пять минут ты не вернешься, я урежу средства на твое содержание, а экономить ты не привыкла. Больше никаких дорогих подарков, – бесцеремонно шлепая меня по заднице, яростно шепчет на ухо: – Ты совсем осмелела, может, мне стоит нарушить наши правила? Доиграешься, крошка.

Под «правилами» он имеет в виду наше соглашение о соблюдении границ в постели. Никакого рукоприкладства, удушья, применения слишком грубой силы…мне нравится дико, сладко и жадно, но я бы не хотела, чтобы Оуэн оставлял синяки на моей коже или насильно бы трахал в рот. Для этого у него есть шлюхи.

Мне хочется снова его ударить, но, когда я оборачиваюсь, Смит уже скрывается за прозрачной тканью, которая разделяет террасу и коридор ведущий в комнаты виллы.

– Пошел к черту! – вспыхиваю я, разжимая кулак. Вглядываюсь в таблетки, лежащие в ладони. Розовые, маленькие, и их так много. Он и не заметил, как я достала.

Тебе здесь нет места.

Кожа покрывается мурашками от звука собственного голоса в голове. Словно в тумане, не отдавая себе отчета в своих действиях, я хватаю бутылку воды с барной стойки и запиваю пять таблеток, царапающих горло. И ничего не чувствую. Абсолютно…

Примерно через тридцать минут, сама не понимая, как оказываюсь в центре комнаты, оборудованной под танцпол. Зажатая между Оуэном и его лучшим другом, которые лапают меня за все оголенные части тела. Самое странное, что

мне приятны их прикосновения. Всего пару минут, а может быть, целую вечность…

Сердце бьется так быстро, будто загнанная в клетку птичка. Плавно замедляется, пока его удары не становятся реже моих вдохов, пока они не исчезают полностью. Меня накрывает волна странных ощущений: словно меня бросает в прохладные воды Эгейского моря, засасывает в воронку, и вот я уже на самом дне, лишена возможности сделать вдох… Но это иллюзия. Я все еще на танцполе.

Последнее, что помню, перед тем, как упасть на пол, это гулкий, последний удар собственного сердца, и то, как оно буквально останавливается в моей груди. Замирает. Навсегда. Дикий ужас парализует каждую клеточку тела, и я начинаю падать. Холод бежит по венам к застывшему сердцу, все вокруг кружится в неясной дымке. Калейдоскоп картинок и гул голосов врываются в угасающее сознание ледяными щупальцами, вскрывая потаённые страхи, проливаясь слезами по пылающим щекам. Внутри лед, жар снаружи. Что-то тянет меня прочь отсюда, прогоняя страх, даруя смирение.

Я не хотела бы так. Не сейчас. Я нужна….

Прежде, чем потерять сознание, я вижу не лицо Криса, самого близкого мне человека, а чье-то другое, мерцающее, расплывчатое, далекое, но до боли знакомое. Я вглядываюсь в лицо мужчины, пытаясь рассмотреть, узнать, но не вижу очертаний его лица.

И если я умираю, то вижу точно не Бога.

От нехватки кислорода воображение играет со мной в жуткие игры. Пространство то расширяется, то сужается, яркие вспышки мерцают перед глазами, искрятся, и я чувствую, как стремительно лечу… вниз. Да, вниз. Я не заслужила рая. И если честно, вообще не верю, что «после» что-то есть. Там ничего кроме пустоты. Я изо всех сил пытаюсь закричать, позвать на помощь, и кричу, кричу, оглушительно громко, но только у себя в голове. Мгновение, и все закачивается, и боль, и страх, и агония. Я легче ветра, и это опьяняет. Мне хочет парить, я устала сражаться, я устала падать. Взмываю вверх. К свету. Но что-то держит меня, заставляет взглянуть вниз и застыть от нарастающей боли, вспоминая, почему я не могу уйти. Слишком тяжел груз ответственности, и я из

последних сил хватаюсь за реальность. Но мое тело больше не принадлежит мне, и я смотрю на него сверху. Неподвижное, такое бледное и хрупкое. Неестественная поза, как у сломанной куклы. Густые светлые волосы не прикрывают обнаженной кожи – во время наркотического угара парни порвали на мне и без того крошечное платье. Это отвратительно. Я выгляжу, как дешевая шлюха, и мне хочется отвернуться от этой картины, от самой себя, от того, кем я стала. Неужели в этом заключалось мое предназначение? Прожить пустую жизнь, быть не в силах помочь близкому человеку и сдохнуть от передоза?

Со стороны наблюдаю за тем, как Оуэн бьет меня по щекам, пытаясь нащупать пульс на шее.

– Скорую! Черт…детка. Кто-нибудь вызовите скорую!

– Наша спящая красавица отправилась танцевать с чертями, – подавляя дикий смех, делает вывод один из друзей Оуэна. Что делает с этими уродами дурь? В его голосе нет паники и сожаления, лишь блаженная улыбка на лице, словно для него все происходит не по-настоящему. Так и есть, они здесь все обдолбанные, и не смогут оказать умирающей девушке помощи…

И я снова ощущаю, как меня уносит прочь, в сгущающуюся вокруг тьму, прорезаемую мириадами световых фотонов. Внутри меня взрывается солнце, рассыпаясь обжигающими осколками, превращающимися в пепел, и он кружит, опадая на мои ладони серым дождем. Я замираю, околдованная, наблюдая, как серебристые слезы пепла подобно ртутным ручьям проливаются между моих пальцев, капая вниз с гулким звоном. Так разбивается хрусталь или плачет умирающее сердце. И я делаю шаг сквозь бездну отчаяния, не понимая, как такое возможно, позволяя уносить неизвестному потоку меня все дальше и дальше с оглушительной скоростью, сквозь извивающиеся лабиринты сознания.

Еще секунду назад я не могла закричать, а теперь я слышу свой истошный крик и чувствую, как надрываются связки. Я не понимаю, что происходит. Но когда открываю глаза, снова ощущаю свое тело, и то, как горячая кровь циркулирует по венам…и самое время обрадоваться этому, но на смену облегчению приходит новая волна паники и ужаса. Еще больший страх захлестывает меня, когда я чувствую на себе вес здорового и тяжелого мужского тела, которое прижимает меня к мягкой поверхности. Его янтарного цвета глаза горят от похоти, и это все, что я вижу в данный момент.

Зрение становится чётче, а все ощущения острее…но лучше смерть, чем место, в котором я оказалась. Какой дурной сон…. Игры сознания не отпускают, подбрасывая один кошмар за другим. Я думала, что это меня распластали на огромной кровати под большим навесом, драпированном прозрачными тканям, в центре загадочной комнаты, но на самом деле я лишь наблюдаю за жуткой картиной со стороны…словно смотрю страшный сон и все никак не могу проснуться.

Беглым взглядом окидываю просторную комнату с высокими сводами в готическом стиле, погруженную в полумрак. Мне слишком страшно, чтобы оценить обстановку в полной мере, но цветные витражи, гобелены с изображением кровавых сражений и поклонений людей величественным статуям, массивные, узорчатые колонны навевают мысли о языческих храмах и кровавых жертвоприношениях. Я смотрю в другую сторону, откуда раздаются душераздирающие крики несчастной девушки, над которой склонился мужчина.

– Отпусти меня! Нуриэль, зачем? Великий Ори покарает тебя, что ты делаешь! Хватит! Мне страшно! Ты пугаешь меня! – отчаянно кричит совсем юная девушка, у которой никогда не хватит сил противостоять такому гиганту. Полуобнаженный мужчина хватает ее за запястья, и в эту же секунду я чувствую резкую боль в своих. Как будто это его руки сжимают их…кричу, но эти двое не слышат меня. Не видят …

Меня нет.

Наверное, это все предсмертная агония, лихорадка, может быть, те самые муки перед попаданием в ад…я не знаю, что это, и не хочу знать. Мне просто хочется исчезнуть, испариться, но новый шквал эмоций и чувств обрушивается на меня с каждым криком девушки. С каждым грубым движением Нуриэля. Он поднимает ее руки над головой, распяв беззащитное тело на сбившихся покрывалах. Она выгибается дугой, но от боли, а не наслаждения…

– Sent`stantaresherisa, Mandisa (*Ты же хочешь, чтобы я сделал тебя своей, Мандиса, – удивительно, но они говорят на другом языке. Я никогда его не слышала. И при этом почему-то прекрасно понимаю смысл всех слов, хотя лучше бы не понимала….

– Признайся, ты позволяла ему то, что никогда не позволяла мне? – Нуриэль резко обхватывает ее скулы, и мои в ответ обдает новой порцией саднящей боли. Я ментально сливаюсь с несчастной девушкой и даже чувствую ее слезы на своих щеках… – И это после всего, через что мы прошли вместе? Сколько можно ждать? Ты давно не ребенок и должна понимать, чем закончатся твои игры. К Саху разговоры, я все равно возьму тебя, Мандиса, – злобное рычание мужчины превращается почти в нежный шепот, когда он склоняется надо мной, над нами, и почти бережно проводит пальцами по моим губам. Я стону в голос, но уже не от страха, а от секундной слабости: мне даже кажется, что я не против почувствовать его губы на своих губах, узнать вкус этого мужчины, напоминающего мне дикого воина, обезумевшего от страсти. Он наклоняется ближе и, проводя языком по моим губам, раскрывает их и проникает в рот…

Ощущение полного слияния с девушкой распадается, и я снова смотрю, как Нуриэль целует Мандису со стороны. Девушка впивается ногтями в его спину, старается оттолкнуть и причинить боль, но судя по теплоте на моих губах, по легкому чувству томления внутри, она не так сильно этого хочет. В ее сердце живут теплые чувства к целующему ее мужчине. Я не уверена, что это любовь, но что-то близкое. Ее и меня терзают сотни противоречий. Это начинает выглядеть эротично и сладко, их поцелуй пропитан такой страстью со стороны Нура, какой я в реальности от Оуэна никогда не ощущала. Мандиса же кажется мне совсем юной и неискушенной девушкой, в отличие от меня, чтобы ответить ему в полную силу, или дать достойный отпор, если поцелуи ей нежеланны. Но это не мешает мне завидовать ее чистоте, робости, трепету, с которым она принимает его поцелуй. Тепло разливается по моему телу…, а потом словно сердце обрывается.

Я слышу ЕГО голос. Мне кажется, я всегда его слышала… Низкие знакомые нотки приникают в мою душу, вызывая волнение и трепет. И это начинает действительно пугать меня: я замираю, не в силах даже вдохнуть, ощущая острую нехватку воздуха….

Скорее бы эта агония прекратилась. Я не хочу видеть этот сон, не хочу ощущать чувства Мандисы…, а испытывает она то, что мне не передать никакими словами. В реальном мире явно нет слов, чтобы описать подобное чувство. Мне кажется, что оно имеет отношение к обладателю голоса. Я ощутила, как замерло ее сердце, когда девушка поняла, что он увидел ее с Нуриэлем. И если я сомневалась в наличии эмоций Мандисы к тому мужчине, который сейчас нависает над ней, то теперь совершенно уверена – второй появившийся в этом

безумном месте владеет всеми чувствами девушки в купе с ее душой.

– Нуриэль! – в комнату врывается обладатель магнетического голоса. Его появление сопровождается мощными энергетическими потоками, которые заполняют все пространство, заставляя меня сжиматься от необъяснимого ужаса. Он направляет руку в сторону Нура и тот издает болезненный рык. Я вижу, как рваные мерцающие стрелы электрического тока исходят от его ладони, ударяя в Нуриэля. От подобной силы даже факелы на каменных стенах гаснут, но я не теряю способности наблюдать за происходящим… В конце концов, это всего лишь сон.

– Что ты, черт возьми, такое… – отчаянно кричу я, совсем забыв о том, что меня никто не видит и не слышит. Лучше бы я молчала… Потому что ОН услышал. Поднял голову и не посмотрел, а прожёг меня насквозь своим взглядом. Черт, как ему это удалось? Или бессмысленно искать логику во сне…

Это же сон? Но, почему он кажется таким реальным и пугающим до жути?

Меня бьет темная тяжелая вибрирующая энергия, заставляя отступать назад, повинуясь инстинкту самосохранения. Я никогда не чувствовала на себе ничего подобного. Уже второй раз за сегодня. Влияние свирепого взгляда, магическое, неземное, неподвластное пронизывает до мурашек, до ломоты в теле. А он продолжает смотреть так, будто знает все мои страхи, читает все мои мысли, видит насквозь… Я привыкла к тому, что мужчины раздевают мое тело взглядом, но этот – в считанные секунды обнажил душу.

Закусываю губу, чтобы не закричать, надеясь, что он не кинется в мою сторону…

Еще с секунду я утопаю в пристальном, изучающем взгляде, пытаясь как можно отчетливее запомнить жесткое и властное лицо. Почему я ловлю себя на мысли о том, что хочу помнить его, когда… нет, если проснусь?

Такие мужественные черты лица. Желваки играют на точенных скулах, выдавая его ярость и гнев. Лишь на секунду позволяю себе задержать взгляд на его поджаром теле, на смуглой коже, обрисовывающей рельефные мышцы. Черт возьми, нельзя терять голову во сне…

Нервно сглотнув, я, наконец, решаюсь ответить ему таким же жгучим взглядом, и только секунду спустя понимаю, насколько это глупо. Это сон…и все эти люди лишь плод моей больной фантазии, воздействие наркотического дурмана или предсмертной агонии.

Мужчина отводит свой пристальный взгляд, и я выдыхаю, чувствуя огромное облегчение. Не теряя больше времени, он кидается к столу и хватает Нура, стаскивая его с девушки.

– Кэлон! – вырывается из губ девушки отчаянный крик, и я понимаю, что это имя мне знакомо.

– Ты заплатишь за это, – шипит Нуриэль, когда Кэлон одной рукой хватает его за горло и приподнимает над полом. Сжимает так сильно, что вены на его предплечьях вздуваются, а лицо Нура приобретает багровый оттенок.

Страх парализует тело, хочется кричать, но я слышу крик Мандисы, которая просит не убивать своего обидчика.

Ни один из мужчин не вызывает у меня доверия. Если первый кажется опасным, то второй…просто дьявол воплоти. По крайней мере, сейчас в таком разъяренном состоянии. Интересно, что связывает этих троих, и почему мой сон не дает мне всех ответов? Я хочу понять, какого черта одурманенное подсознание бросило меня сюда, в мрачные стены жутковатого зала, в центре которой двое диких мужчин дерутся из-за невинной девушки? Но, к сожалению, ответов нет.

Мандиса прикрывает лицо руками. И я вижу лишь длинные рыжие волосы, спутанные после попытки Нуриэля взять ее силой. Она дает себе секунду, чтобы прийти в себя, поднимается на ноги и, расправив плечи, набрасывается на Кэлона, чтобы помешать ему задушить Нуриэля. Она бьет его по плечам, умоляя прекратить насилие, но Кэлон неумолим. Отталкивая девушку плечом, усиливает хватку, заставляя своего соперника хрипеть. ЕЕ мольбы бессмысленны, он не слышит. Мандиса не сдается. Снова делает шаг вперед. На ее лице отчаяние и боль, подняв ладонь, она очень медленно приближает ее к плечу Кэлона. И я ощущаю исходящее от нее смятение, дрожь ее пальцев, трепет ее сердца. Она не хочет этого делать. Но чем может быть опасно обычное прикосновение? Да уж, нашла чем сразить такую мощь… Мой сарказм прерывает жгучая боль в

ладонях. Опускаю взгляд на свои пылающие руки и чувствую, как это я…мы…прикасаемся к Кэлону. Я ощущаю его горячую кожу под своими пальцами, глядя на то, как она дотрагивается до него…магия. Невероятно. Немногим раньше я ощутила, как внутри меня взорвалось солнце, то теперь оно вспыхнуло в моей ладони и жидким огнем скользнуло сквозь пальцы.

– Какого Саха?! – яростно кричит Кэлон, вздрагивая всем телом. Он отпускает Нуриэля, и тот опадает на каменный пол, пытаясь отдышаться. Но я смотрю только на Кэлона, на мужчину, к которому прикоснулась Мандиса… или я, или мы обе. Ему действительно больно от моего прикосновения. Я снова сливаюсь с Мандисой, ощущая себя в ее теле. Завороженно смотрю на то, как его смуглая кожа краснеет под моей ладонью. Обугливается…словно я сжигаю его заживо. И мне больше не жаль его. Не спешу убирать руку, получая какое-то незнакомое прежде удовольствие, доставляя боль этому мужчине. Словно мщу…сама не знаю, за что.

– Obsena! (*прим. минтакийский язык – с*ка, дрянь) – рычит Кэлон, резко взмахивая левой рукой. К черту закон притяжения, потому что, не прикасаясь ко мне, мощью своей энергии Кэлон заставляет меня оторваться от земли. Словно невесомая пушинка я отлетаю за считанные секунды и врезаюсь в стену, преодолев в воздухе десяток метров. Его взгляд ударяет мне прямо в сердце, словно проворачивая в груди рукоятку невидимого ножа. Я смотрю в неистовые магические глаза, растворяясь в них, задыхаясь от боли. Мандиса стонет, скорчившись на холодном полу, а я продолжаю падать темный бездонный омут таинственных глаз Кэлона. В адскую непроглядную тьму заколдованных лабиринтов. И если это тот самый тоннель, то я должна найти свет. Я обязана… Я кому-то еще нужна там. Нужно вспомнить кому… Имя.

Крис.

Крис.

– Давай же, девочка, дыши!

Резко распахиваю глаза и вдыхаю полной грудью. Слишком много света…

Если бы не кучка врачей в белых халатах и масках, склонившихся надо мной, я бы решила, что все-таки умерла. Но то, что я сейчас чувствую, точно указывает

на то, что я жива. Голова взрывается от боли, а все тело ломит и ноет. Я вернулась с того света, черт возьми. Только то, что я видела, сложно назвать раем, или адом, или чистилищем. Я ощущаю себя совершенно иначе, неуловимые изменения пульсируют в каждой клетке организма. И дело даже не во сне: он забывается, ускользает из моей памяти, но остаются чувства, что я пережила, обжигающая боль в груди, и я не понимаю, что мне теперь с этим сделать. Чувств слишком много, и они какие-то другие, необъятные, непостижимые, словно непредназначенные для моего опустевшего и давно ледяного сердца. Не предназначены для этого мира.

Это все равно что родиться заново.

— Два пятнадцать. Зафиксируйте. С возвращением, мисс Мартин. Еще бы две минуты, и смерть не была бы клинической, — произносит доктор, убирая от меня аппарат, который вновь завел мое сердце.

Зачем они меня вернули, зачем?

Не понимаю, откуда эти мысли.

Я же хотела вернуться, хотела жить ради Криса. Ради себя. Или просто всем назло.

По моим щекам беспрерывно текут слезы, и я не смогу объяснить их причину, даже если очень захочу. Меня не покидает единственная мысль: я хочу домой.

Дом…у меня никогда его не было. Даже рядом с Крисом я не чувствую себя так, словно я на своем месте.

– Я убью тебя, Мандиса,— вздрагиваю, снова заслышав знакомый голос. Кэлон. Кто такой Кэлон? Горячее дыхание обдает мочку уха, но, когда я медленно поворачиваю голову, рядом никого нет.

Я просто сошла с ума. Наверное, с таким образом жизни – это рано или поздно должно было произойти.

Глава 2

«Да придет в теплые земли разрушенного храма Великий Царь, сокрушив всех наследников Правителей Минтаки, и овладеет он зеркалом Креона и поднимет Аспис Элиоса и скажет всем живущим на земле и небесах – Я один буду править вами. И никто, ни Боги, ни твари земные не смогут сокрушить моей власти. Да будет так».

Пророчество, высеченное на руинах храма Арьяна.

Кэлон

Элиос, дворец Нуриэля Эриданского.

3218 год после крушения Минтаки.

Я рассеяно наблюдаю за игрой света, проникающего в огромный зал через отверстия в высоких сводах. Аметистовые блики отражаются, играя на гладкой поверхности Семи Зеркал Креона (см. Глоссарий.). Я бесстрастно слежу за причудливыми тенями по ту сторону Порталов. Они всегда спокойны, и в отражении каждого перемещаются скручивающиеся в звёздные воронки галактики и вращающиеся сферы эфира. Я могу войти в любое из них, но позволяю себе подобное только в исключительных случаях. Праздное любопытство недопустимо. Проклятие Богов уже однажды настигло землю минтов. Нельзя нарушать и без того хрупкое равновесие Элиоса, небольшого государства, образовавшего на руинах некогда процветающего острова Минтака. Исчезнувшие в Зеркалах Креона не возвращаются. И это закон, который не нарушался тысячелетиями для сохранения мира во Вселенной.

Я темный жрец и последний из хранителей Врат (см. Глоссарий), верный подданный и командующий армией и флотом Нуриэля Эриданского, его правая рука во всех вопросах.

Сегодня я приближу нас еще на один шаг к свершению Пророчества. Я чувствую вибрирующие отголоски Божественного Ори совсем близко. Их излучает девушка, которую три месяца назад мои слуги выкрали из храма Аминак, последняя из дочерей одного из семи Правителей, посвятившая свою жизнь служению Ори. Рию (см. Глоссарий) похитили прямо из храма и насильно привезли во владения Нуриэля. Все это время девушка готовилась к ритуалу жертвоприношения в тщательно охраняемых покоях, где о ней заботились, как о самой дорогой гостье Правителя. Однако нашего гостеприимства оказалось недостаточно, чтобы она смирилась со своей участью.

Чувствую ее страх сквозь несколько этажей каменных залов и спален, соединяемых длинными коридорами и лестницами. Мои ноздри трепещут в предвкушении. Концентрированная смесь ужаса и отчаяния, испытываемая девушкой, так сладостна, так желанна. Они редко приходят сюда смиренными и до последнего вздоха в этом мире ждут, что светлоликий Ори обратит на них свой взор и спасет своих жриц от участи быть принесенными в жертву на алтаре темного Бога. Но ни мольбы, ни просьбы не отменят предначертанного.

Пророчество скоро свершится. С каждой жертвой на землях Элиоса и Креона остаётся все меньше наследников, свергнутых Семи Правителей Минтаки.

Несколько сотен лет мы с Нуриэлем вели кровопролитные жестокие войны с другими претендентами на престол Великого царя, убивая их одного за другим, прочищая себе путь к абсолютной власти. Все сильные противники погибли, поверженные нашей несокрушимой силой и мощью, но остались прекрасные и хрупкие жрицы Ори, умеющие скрываться, а не вести открытое противостояние.

Время кровавых войн окончено. Днем и ночью мои стражи рыщут по землям Креона и Элиоса в поисках оставшихся в живых наследниц павших Правителей.

Одна из них совсем рядом…

Серебряный луч скользит с высокого свода по каменным стенам и теряется в Третьем Зеркале Креона. Вращающаяся звездная туманность рассеивается, словно пронзённая светом, и мерцает, искрит, принимая причудливые формы, заставляя меня вскинуть голову и пристальнее всмотреться с мятежную поверхность портала. Расширяющаяся воронка сжимается, словно исчезая, и снова возникает в абсолютной тьме и разрастается, стреляя в разные стороны

серебряными молниями. Это впервые, когда врата начинают реагировать еще до того, как я перемещаю в них лишенную силы жертву.

– Ты это видишь? – спрашиваю я у бесшумно приблизившегося ко мне Нуриэля. Он встает рядом со мной, плечом к плечу в центре круглого зала, поочередно переводя взгляд с одного Зеркала Креона на другое. Я ощущаю его смятение, когда взор Нуриэля достигает необычайно активно проявляющего себя третьего портала.

– Да, Кэл. Я вижу, – мрачно кивает он. Закутанный с головы до ног в отороченный белым мехом длинный красный плащ с вышитыми на нем символами его власти Нуриэль выглядит встревоженным, когда я перевожу на него взгляд. – Ты думаешь, это Плейона? Из-за нее Зеркало искрит? Неужели мы нашли ее? И это Ори подает нам знак, что мы близко?

– Возможно, Нур, – киваю я, скептически отмечая теплую белую куртку, выглядывающую в распахнувшихся полах плаща Правителя.

– Ты все время мерзнешь, – говорю я, доставая из ножен кинжал с закруглённой рукояткой и мерцающими внутри лилово-серебристыми потоками концентрированной энергии.

– Мой отец был одним из Семи Правителей Минтаки, Избранником Светлого Ори. Во мне течет горячая кровь моих божественных предков, – высокомерно вскидывая голову, произносит Нуриэль, снисходительно скользнув взглядом по моей тонкой черной накидке, прикрывающей кожаную безрукавную тунику на шнуровке и таким же штанам, заправленным в высокие сапоги. – И Сах свидетель, здесь холоднее, чем в Креоне, а ты выглядишь так, словно полуденное солнце освещает этот промёрзший зал.

– Там не так уж и холодно, Правитель, – отвечаю я, в знак почтения опуская голову. – И поверь, здесь намного теплее чем там, откуда я родом.

– Белые слезы Ори, – изумленно восклицает Нуриэль. Из его губ вырывается струйка пара. Он протягивает руку открытой ладонью кверху, и я тоже замечаю опадающие ледяные крошечные кристаллы, кружащиеся в хаотичном танце, прежде чем растаять на ладони Нуриэля.

Это странно, но глядя, как маленькие капельки утекают сквозь смуглые пальцы Правителя, я невольно вспоминаю совсем другие ладони, тонкие и изящные с длинными пальцами и розовыми ноготками. Такие бледные и хрупкие, как сама их обладательница. Мандиса. Это имя должно было стереться из памяти спустя череду столетий и других женщин. Я не вспоминал ее веками. Но сейчас, когда приближается время очередного жертвоприношения, перед моим внутренним взором мелькают огненного цвета волосы. Непокорившаяся, недоступная. Первая рия, которая не поддалась чарам; первая рия, которой были невыносимы мои прикосновения. Она всегда была для меня вызовом, который я принял и не разу не отступил. Какие громкие слова, однако, но они так мало значат в любом из миров, которые я видел своими глазами за века, которые прожил. Куда больше говорят поступки и действия, оставляющие нестираемые временем шрамы….

Я бы мог забыть, если бы знал, что ее больше нет. Я бы смог смириться и отпустить гнев из своего сердца. Сколько раз я хотел презреть все запреты богов и вступить в тот портал, который в данный момент выдает хаотичные признаки нестабильности. Найти ее в других мирах и призвать к ответу. Но даже ментально я не смел… нарушить равновесие вселенной ради неприступной рии, единственной в своем роде обладательницы огненного дара Элейн.

– Что-то происходит, – задумчиво произношу я, улавливая незнакомые вибрации, покалывающие кожу ледяными иглами и пронизывающие все окружающее нас пространство. Нуриэль не является Стражем Врат и может только увидеть странные явления, ощутить их он не способен. Потомки Первых Правителей не обладают магическими силами, но физически они очень сильны и практически неуязвимы. Маги и жрецы были посланы на Иас, чтобы помогать Правителям развивать Минтаку по законам Ори, но впервые правой рукой правителя стал темный жрец.

Портал продолжает подавать негативные энергетические колебания, и я не могу не думать о том, когда в последний раз видел подобное явление.

И видимо не только я не способен забыть огненную рию Ори, выросшую в стенах этого дворца на наших с Нуриэлем глазах. Мы оба наблюдали, как расцветала ее необычайная красота и как пробуждался огненный дар, данный лунной Богиней Элейн.

Но именно этот дар Мандисы стал для меня проклятием, оставив на теле безобразные шрамы от ее последнего прикосновения.

– Мы оба ослепли от ревности тогда, Кэл, – словно прочитав мои мысли, произносит Нур глухим задумчивым голосом. Но это невозможно. Никто не способен читать мысли темного жреца, кроме Бога, которому он служит. – Столько лет прошло…. Она могла быть с нами. Мы делили ту, которой могли обладать оба. Я не могу ее забыть и не могу простить нам того, что мы сделали.

– Это было неизбежно, Правитель, – голос мой звучит сдержанно, но я с трудом могу контролировать вспыхнувшую в одно мгновение ярость. Мы оба. Стискивая челюсти, сжимаю в правой руке кинжал, глядя на покрывшееся инеем Третье Зеркало Креона. Каждый раз, вонзая острый клинок в сердца других, я думаю о ней. Мне никогда не стереть из памяти тот момент, когда ее бездыханное тело растворилось во тьме убегающих лабиринтов, унося бессмертный дух к невидимым мирам, чтобы возродиться снова. И все потому, что никогда не хотел, чтобы мы владели ею оба. Она должна была принадлежать мне одному или никому в этой реальности.

– Тот день стерся из моей памяти, Кэлон, – Нур сжимает ладонь в кулак, убирая за спину. На лице его появляется ожесточенное выражение. – Я помню, что она пришла ко мне. Возможно я был пьян, и мне показалось, что она хочет отдаться мне. Власть и сила, бесконечные кровавые бойни. Я лишился разума и сердца. Я забыл, кто передо мной. Любая женщина мечтала угодить будущему Великому Царю. А Мандиса была просто девчонкой, полюбившей совсем другого человека, которым я был когда-то… очень давно. Но даже спустя сотни лет я до сих пор не могу объяснить себе того, что тогда произошло. Как я мог приказать тебе принести ее в жертву? Почему я это сделал?

– Прошлое должно остаться там, где ему место, Нуриэль, – отозвался я, и мой голос, отражаясь от стен, глухим эхом прозвучал в огромном зале.

Белые слезы Ори кружились и падали на мои волосы и плечи, но я не чувствовал холода в отличии от Нура, всегда тяжело переносящим холодные ночи во время белой Луны. Я поднял голову вверх и обвел взглядом украшенные выпуклыми раскрашенными рельефами своды, которые изображали мифические древние битвы, существа из других миров, Богов и стражей.

Изысканная красота этого сакрального места завораживала посвященных в его тайну, а непосвященных приводила в ужас. Только жрецы и носители божественной крови могли смотреть в Зеркала Креона, не сходя с ума от ужаса.

Я же очень давно ощущаю пустоту, которая прорастает черными ростками в моем сердце, уничтожая в нем остатки человечности.

– Приведите Плейону, – громко говорю я, обращаясь к слугам, который стоят под дверью, ожидая приказания.

Грохот нескольких пар сапог удаляется по коридору, и у нас остается не так много времени, чтобы подготовиться. Нуриэль как всегда с любопытством наблюдает, как в семь идеально ровных световых колодца, расположенных на потолке симметрично друг другу на одинаковом расстоянии, проникают лучи разного цвета, почти сливаясь, устремляются в изголовье овальной плиты, установленной в центре на возвышении, к которой ведет лестница из семи ступеней, украшенная барельефами. Свет семи планет пересекается в одной точке всего на несколько мгновений, и до этого момента у нас осталось не так много времени.

– Она очень красива, – оборачиваясь ко мне, с ухмылкой произносит Нуриэль. – Уверен, что тебе понравится.

– Все рии Ори красивы, Нуриэль. В них течет кровь Первых Правителей, – отвечаю я, чувствуя приближение наследницы Избранников Ори.

Мы стоим по две стороны от лестницы лицом к входу в ожидании прекрасной гостьи, которой предстоит стать жертвой темному Богу. Слуги не могут войти в зал, который хранит Зеркала Креона, и ее толкают внутрь, захлопывая за спиной испуганной девушки массивные двери. Отчаянный вскрик эхом проносится по огромному торжественному залу. Взгляд Плейоны, дочери Крия, первого из Семи Правителей, посланного в земли Минтаки тысячи лет назад самим Ори, прикован к монументальному ступенчатому алтарю. Она знает, что ее ждет.

Страх и приток энергии, им дарованный, опьяняет меня, заставляя кровь быстрее бежать по венам. Нур прав. Плейона прекрасна. Золотистые волосы и зеленые глаза, которые сверкают подобно изумрудам на бледном охваченном ужасом лице. Тонкое изящное тело облачено в расшитый золотом и серебром

белоснежный хитон, состоящий из двух шелковых кусков ткани и соединенный золотыми застёжками на плечах. Тонкое одеяние почти не скрывает изящных изгибов тела юной красавицы. Одна из привилегий потомков Правителей – они прекращали стареть в самый пик рассвета своей красоты, но после крушения Минтаки рии утратили свое бессмертие в наказание за неповиновение. Однако Плейона могла прожить еще долгие-долгие годы и умереть такой же прекрасной, как сейчас, в тот момент, который счел бы подходящим Бог, которому она служила.

– Не нужно бояться, рия, – мой голос звучит мягко и ласково, и, вздрогнув от неожиданности, девушка поднимает голову, глядя на меня. – Подойди ближе, – продолжаю я, и ужас в зеленых глазах сменяется отчаянием. Она не может оказать сопротивление. Много дней ее поили магическим напитком, рецепт которого я получил от своего отца. Её воля и сила полностью в моей власти. По щекам стекают слезы, но девушка выполняет приказание. Она идет к подножию лестницы, неотрывно глядя на меня. Я улыбаюсь ей так, как сам Ори улыбался своей возлюбленной Элейн. И я знаю, как действует на жриц Светлого Бога моя улыбка. Плейона пытается противиться силе своего желания, но оно неумолимо нарастает в расширившихся темных зрачках.

– Я знаю, кто ты! – хриплый сиплый шепот срывается с искусанных в отчаянии губ, когда она оказывается между мной и Нуриэлем.

– Правда? – склонив голову набок, с наигранным любопытством спрашиваю я, протягивая руку и убирая с лица девушки непокорный белокурый локон. – Окажешь мне честь, поведав, чем я так известен за стенами дворца моего Правителя?

– Нет у тебя другого Правителя, кроме Саха. Ты пришел из черного Креона, чтобы убивать всех, кто не поклоняется твоему Богу. Ты наложил чары на Нуриэля Эриданского, заставляя его выполнять твою волю. Ты ослепил его своим темным колдовством. Вся кровь, что пролил Нуриэль, на твоих руках, – одно за другим бросает мне обвинения смелая девушка.

– Моя дорогая, не нужно меня недооценивать, – насмешливо обрывает пламенную тираду девушки Нур, кладя ладонь на ее плечо. – Кэлон, конечно, очарователен, но околдовать ему меня вряд ли по силу.

– Тогда, почему ты предал своего Бога? – обернувшись к Нуриэлю, гневно спрашивает Плейона. – Светлоликий Ори не приемлет убийства, войн и колдовства против свободной воли.

– Я не предавал своего Бога, глупая рия, – с широкой белоснежной улыбкой на смуглом лице отвечает Нур. – Разве ты не видишь, что Богам больше нет до нас никакого дела. Они оставили нас. Прокляли. Я собираюсь сам стать Богом.

–Тогда ты глупец! – выплюнула девушка с усмешкой. Улыбка исчезла с лица Правителя, темные глаза гневно сверкнули, и, замахнувшись, он ударил Плейону по правой щеке. Девушку шатнуло назад прямо в мои объятия. Я обхватил ее плечи, ласково поглаживая и нашептывая прямо в ухо слова утешения, ощущая дрожь ее хрупкого тела.

– Прости Правителя за его несдержанность, Плейона. Нельзя оскорблять Великого Царя. Скоро каждый из ныне живущих преклонит перед ним колени.

– Вы просто кровожадные убийцы, прикрывающиеся предсказаниями. Никому из живущих Элиосе не дано стать Богом, – отчаянно выкрикнула девушка. Стиснув челюсти, резким движением руки Нуриэль сорвал с нее полупрозрачные покровы, оставив совершенно обнаженной.

– Покорись своей судьбе, – шепчу я, касаясь губами мочки ее уха, и девушка каменеет в моих руках, полностью утратив силы к сопротивлению.

– Ты избрана, Плейона, – развернув ее лицом к себе, произношу я, всматриваясь в остекленевшие глаза. – Не бойся, смерть – это не конец, а начало, путь в новый мир, и кто знает, может быть, он понравится тебе больше. Гораздо больше….

Мои ладони скользят по обнаженным плечам неподвижной красавицы, попавшей под мои чары. Магия темного жреца влияет на дочерей Ори сильнее, чем на обычных женщин, вызывая в них влечение, которому невозможно противостоять. Свет и тьма – две противоположности, миллионы лет сражающиеся между собой, но на самом деле стремящиеся к полному соединению. И пока я ласкаю плечи и грудь прекрасной Плейоны, чье тело покрывается розовым румянцем, выдавая ее томление, Нуриэль прижимается к ней сзади, зарываясь пальцами в золотистые локоны и целует тонкую шею, срывая отчаянный стон с приоткрытых губ девушки. Ритуал жертвоприношения начинается не с боли…. Но боль, чужая

боль для меня – самый желанный напиток, который я готов пить вечно, не зная пресыщения. Однако сейчас, в последние минуты жизни Плейоны, мы подарим ей наслаждение, которого она не знала ранее ни с одним из своих многочисленных любовников за долгие века своей молодости.

Белые слезы Ори падают на пылающую кожу девушки, стекая по стройному телу прозрачными каплями. Мой взгляд останавливается на золотом браслете, обвивающем ее руку чуть выше локтя, ненадолго отвлекая внимание от чувственных ласк. Я снова ощущаю усиливающиеся вибрации вокруг нас, волнами проходящие сквозь меня. Что-то странное происходит, неправильное. Поднимая руку, я касаюсь украшения на руке Плейоны, и призрачное серебряное свечение, исходящее из кончиков моих пальцев, струится по нежной коже, проникая внутрь, к самому сердцу, с каждым новым ударом приближающегося к полному забвению. Ей не больно, она испытывает экстаз и неземное удовольствие от каждого моего прикосновения, ее кровь пропитана страстью. Это так легко, так приятно… заставлять их тела изнывать от горячего желания, полностью парализуя волю и блокируя силы. И только одна рия оказалась неподвластна моему влиянию. Только одна…

Отвлекаюсь от назойливых воспоминаний, которые сегодня так часто одолевают меня, возвращаясь к реальности. Наверное, этот самый любимый момент во всем ритуале. Я и Нуриэль – два чудовища, которые выпивают свою жертву до дна, одновременно вознося к чертогам наивысшего наслаждения.

Вся наша одежда остаются внизу, когда мы поднимаем девушку на алтарь. Ее тело изгибается, стремясь прикоснуться к нам, слиться в языческом древнем танце страсти, одурманенное похотью, подверженное чарам. Воля сломлена, забыто собственное имя, прошлое и настоящее, страх и вера в Бога, которого она еще недавно так отчаянно защищала. Несколько триумфальных минут животной страсти кажутся бесконечными и мгновенными одновременно. Жар, исходящий от наших тел, заставляет превращаться Белые слезы Ори в капли воды еще в воздухе, они шипят, соприкасаясь с нашей кожей, и, отлетая, превращаются в пепел, опадающий на каменный пол. Крик рвется с губ девушки в момент абсолютного экстаза. Ее энергия льется в меня, все ее мысли, мечты и воспоминая. Я заношу кинжал над изогнутым подо мной беззащитным телом Плейоны, когда широкий световой столб и одновременно со сверкнувшим острием ударяет в ее грудь. Вспышка озаряет зал, ослепляя нас, рассыпаясь мириадами мерцающих бликов. Изумрудные глаза Плейоны останавливаются на мне, застывая в изумлении, одинокая слеза вытекает из уголка глаза, стекая по

щеке, на приоткрытых губах по-прежнему блуждает блаженная улыбка. Пронзенное острым лезвием сердце девушки делает последний слабый толчок и замирает. Одновременно световой столб исчезает, и огромный зал на некоторое время погружается в абсолютную густую тьму.

Мгновение спустя одно из зеркал начинает мерцать, пока вся его поверхность не наполняется переливающимися потоками света. Я спускаюсь по ступеням алтаря вниз, держа на руках мёртвую девушку, чья кровь гулко капает на мраморные плиты. Я несу ее к Седьмому зеркалу Креона. Вершина мироздания. Конечный пункт, в который суждено прибыть еще одной рие. Но это не смерть… Начало. Все, как я обещал. Приблизившись к единственному активному порталу, я опускаю ее в мерцающий проход, и она исчезает в переливающейся эфирной воронке.

И когда это происходит, остальные зеркала поочередно вспыхивают, лучи небесных светил снова проникают через отверстия в сводах дворца, создавая игру света и тени на стенах и мраморном полу, разбитом на секции, каждая из которых ведет к одному из зеркал.

Все кончено. Ритуал свершился.

– Ты говорил, что мы близко, что ты чувствуешь энергию Асписа где-то совсем рядом! Но ничего не произошло! Снова! – раздраженно говорит Нуриэль, быстро натягивая на себя одежду. Я поднимаю на него тяжелый взгляд, ощущая кипящую внутри энергию, бегущую по вздувшимся венам, и беснующиеся силы, напитанные свежей кровью, пролитой на алтаре. Вся моя жизнь состоит из череды жестоких убийств и войн, где в прямом противостоянии теряешь счет своим жертвам. Их крики, предсмертная агония, их мольбы о пощаде для меня, как самое изысканное вино. С каждым разом становится все сложнее сдерживать себя. Иногда я сам не понимаю того, что ношу внутри, того, чем являюсь.

– Ты разве плохо провел время? – низким вибрирующим голосом спрашиваю я, чувствуя себя переполненным мощью и благословением темного Бога.

– Что, Сах тебя побери, с твоими глазами? Они такого же цвета, как рукоятка кинжала. – отшатнувшись, произносит Нур, пристально глядя на меня. Я опускаю голову, завязывая шнуровку на груди. Побочное явление проявляющейся магии,

контролировать которую не всегда получается. – И неважно, как я провел время, мы до сих пор не получили Аспис Элиоса. Что, если рии, вообще, не обладают знаниями о Асписе, и оружие Ори утеряно безвозвратно во время Черной жатвы?

– Сах дал своим жрецам знания о Зеркалах, а Ори своим – об Асписе. И то, что я являюсь хранителем Врат разве не прямое подтверждение того, что где-то есть хранитель Асписа? И, кстати, мы убрали еще одну претендентку на твой престол, – сухо напоминаю я.

– В пророчестве нет ни слова о том, что Великим царём может стать женщина. Напомни, почему я слушаю тебя?

– Возможно потому что я причина того, что ты сейчас имеешь, Нур. И того, что ты вообще жив.

– Ты всего лишь темный жрец, – высокомерно заявляет Нуриэль. Я скептически улыбаюсь, глядя на него.

– Всего лишь жрец, который воссоздал для тебя Зеркала Креона и управляет твоей армией и флотом, прикрывает твою спину во всех сражениях. Конечно, это сущая ерунда, и ты прекрасно справился бы сам, – иронично выдаю я, заставляя Нуриэля помрачнеть. Ему нечего ответить, и он прекрасно знает, что я нужен ему больше, чем он мне. Мне стоило неимоверных сил завоевать подобное доверие, которое было подорвано лишь однажды.

Мой взгляд падает на алтарь, привлечённый золотистым блеском. Прищурившись, я пытаюсь разглядеть, что там может сверкать.

– Куда ты смотришь? – спрашивает Нур.

– Там что-то есть, – задумчиво произношу я, направляясь к лестнице. Быстро поднимаюсь по ступеням к алтарю и застываю, ощущая, как внутри нарастает напряжение. На окроплённом свежей кровью гладком камне лежит золотой браслет в форме змеи, глаза которой инкрустированы фиолетовыми камнями. Украшение на руке Плейоны выглядело иначе. Перепутать невозможно, ведь то, что я вижу сейчас, было сделано моими руками…. Это подарок, который много лет назад носила другая девушка.

– Мандиса, – шепчу я, прикасаясь к браслету, глядя в змеиные глаза, мерцающие аметистовым светом. – Что происходит? – этот вопрос я задаю уже мысленно, вскидывая голову и оглядываясь по сторонам. Воздух становится тяжелым, горячим, густым, обжигая мои легкие при каждом вздохе. Я помню эти ощущения. Невозможно…. Холодный пот выступает на лбу, несмотря на то, что моя кожа пылает. Я перевожу взгляд на поверхность Третьего Зеркала Креона, чувствуя чужеродную энергию, пытающуюся приникнуть извне.

– Что там, Кэл? – спрашивает Нуриэль, но я не слышу его, неотрывно глядя на расширяющуюся энергетическую воронку в портале.

Чтобы там не было, оно близко.

– Тебе нужно уйти, Правитель. Я должен все здесь очистить, – коротко бросаю я.

– С превеликим удовольствием, – отзывается Нур. – Мне необходимо выпить, смыть с себя кровь и поразвлечься с очередной красавицей из моего харима, которую не придется убивать.

Нуриэль уходит, оставляя меня одного. Спускаясь по ступеням, я направляюсь к мятежному порталу, вытягивая руку ладонью вперед, пытаясь понять характер энергии, которая пытается проникнуть в наш мир. Вращающаяся звездная туманность рассеивается, но за ней ничего нет кроме черной бездны. Опускаю руку, чувствуя себя одураченным.

– Что за игры? – произношу тихо, разворачиваясь и намереваясь покинуть зал. Делаю несколько шагов, глухим эхом отражающихся от стен. Но внезапная оглушающая тишина заставляет меня остановится. Я оборачиваюсь, замечая, что теперь все зеркала Креона начинают мерцать и искрить, лучи света рассеянно мечутся по стенам, испуганно заглядывая в пульсирующие бездны миров и выскальзывая прочь. Короткая вспышка, как удар молнии, я оказываюсь в кромешной темноте, словно проваливаюсь в абсолютный безвременный черный вакуум, не чувствуя ничего кроме ледяного дыхания Темного Бога, открывшего мне свои объятия.

Лианна

– НЕТ! ПОЖАЛУЙСТА! НЕ НАДО, КЭЛОН! – леденящий душу крик резко обрывает мой сон, и я резко сажусь на постели. Мой крик. Тяжело дыша, нервно провожу ногтями по запястью и, цепляясь за спутанные волосы, лихорадочно сжимаю их в дрожащих кулаках. По спине струится пот, ночная рубашка, которую мне дали в больнице, прилипает к телу, пока я пытаюсь отдышаться, прийти в себя и справиться с очередным приступом безумия. С этими образами, снами, галлюцинациями, которые проникли в мой разум словно паразиты и пожирают его изнутри.

– Не делай этого, Кэлон,— сами повторяют мои губы. Жутко и страшно. После клинической смерти мое тело все чаще живет отдельной жизнью, а я даже врачу боюсь рассказать о видениях, которые меня мучают. Если я попаду в психушку, кто тогда позаботиться о Крисе?

Переведя дух, обнимаю колени и раскачиваюсь на кровати, пытаясь вспомнить последний кошмар до мельчайших деталей. Ничего нового — уже который день мне снится один и тот же сон, но когда я просыпаюсь, то почти ничего не помню кроме лица Кэлона, склоняющегося надо мной. Я чувствую себя такой беззащитной под его взглядом, и дело не только в магнетической, притягательной и темной силе его глаз. Ощущаю, как хочу…но не могу пошевелиться, словно мое тело связано по рукам и ногам и приковано к холодному камню. Там в моем кошмаре я нахожусь в полной власти незнакомца, и меня терзают противоречивые чувства, которые испытывает Мандиса. Красивое имя. Я всегда понимаю, что снова слилась с Исой во сне, когда вместо своих белокурых прядей сжимаю огненно-рыжие с красными переливами локоны.

И Кэлон надо мной кажется таким реальным, настоящим. Я чувствую огромную, необъятную силу, исходящую от незнакомца. Как внутри все переворачивается, а каждая клеточка вибрирует от страха. Страха смерти.

«Я убью тебя, Мандиса»— эти слова врезались мне в память, и мое подсознание анализирует обрывки сна, показывая размазанную картинку. Кэлон каждую ночь убивает меня, а я просыпаюсь в момент смерти. Это все, что я точно знаю: детали и сокрытая истина ускользают от меня, оставляя в голове лишь одну пульсирующую в висках мысль: он убийца.

К счастью, это всего лишь сны…, и все, что я должна понять, это то, что здесь, в реальной жизни мне ничего не угрожает. Но почему, черт возьми, я уже запуталась, где сон, а где реальность?

Вспоминаю его взгляд, молочно-голубого цвета радужку с угольной окантовкой. Никогда не видела таких глаз — демонических, бросающих в дрожь, светлых и в то же время пугающих своей убийственной мощью. Под прицелом его взора чувствую себя невинной жертвой на эшафоте, которой вот-вот отрубят голову. Но Кэлона, судя по моим ощущениям, интересует вовсе не моя голова, а сердце. Или тело… Меня пробирает озноб, когда всего на миг я чувствую прикосновение его горячих ладоней к груди. Боже, что я несу? Какие еще горячие ладони? Кэлона не су—ще—ству—ет!

— Кто такой Кэлон?! — вздрагиваю, когда комната резко озаряется светом. Медленно поднимаю взгляд, наконец замечая Оуэна. Он выглядит изможденным, уставшим, замученным. Под глазами лежат глубокие тени. В руке Смит сжимает пустую бутылку виски, а другой нервно потирает покрытую небрежной бородой челюсть. Что с ним стало без меня за эти две недели?

– Какого черта? Я себе места не нахожу, целыми днями жду, когда разрешат навестить тебя, а ты зовешь во сне какого-то ублюдка? – несмотря на нарочито-спокойный тон его голоса, Оуэну не удается скрыть свою ревность и раздражение.

Мне самой очень интересно знать ответ на его вопрос. Я смотрю то в его затуманенные глаза, то на пустую бутылку. Пить в одиночестве? Это не про Оуэна. Неужели так сильно переживает за меня?

Я ничего не отвечаю, просто откидываюсь на подушки и надуваю губы, погружаясь глубоко в себя. Смит знает, что я ненавижу, когда он начинает хамить или разговаривать в таком тоне, словно я в чем-то виновата. Едва сдерживаю улыбку, когда мой взгляд скользит по столику рядом с кроватью: его украшает огромный букет роз в шляпной коробке золотистого цвета. Рядом с цветами лежат мои любимые сладости. И несколько коробочек от Тиффани. Черт, это мило. Но я уже мысленно прикидываю, за сколько смогу продать подаренные Оуэном украшения. Я очень редко оставляю его подарки себе, а стоимость одного браслета равна месяцу полного ухода за Крисом и двухнедельному запасу лекарств.

– Ты так и будешь молчать? – спокойно спрашивает Смит, медленно приближаясь к моей постели.

Сжимаю губы, вздернув подбородок. Меня по-прежнему не устраивает тон, которым он говорит со мной.

– И откуда ты вылезла такая гордая, бл**ь? – рявкает Оуэн. Напрягаюсь, словно струна, но не подаю вида. Даже бровью не веду, игнорируя его истерику. Чтобы он ни сказал, мне плевать. В моменты пьяной ревности он обожает напоминать мне, что я содержанка при «принце голубых кровей». Явно забывая о том, что ведет он себя не как принц, а как истеричный маменькин сынок.

– Тебя же подкинули. А строишь из себя королеву, – после таких слов он еще смеет садиться на мою кровать. Смит берет меня за руку, и я сразу пытаюсь освободиться от его хватки. – Я чуть с ума не сошел, понимаешь? Зачем ты приняла столько таблеток, зачем, куколка? – уже спокойно и даже нежно произносит Оуэн, поглаживая мою ладонь и что-то бормочет себе под нос о том, что «я самая лучшая и красивая, а он просто идиот, который испугался за мою жизнь». Тешу свое самолюбие, наблюдая за его пьяным унижением, и ехидно смеюсь внутри себя.

– Не трогай меня, – снова пытаюсь вырваться, проверяя, насколько сильно держу его в своих цепких руках. Это так странно… рядом с Оуэном я и правда себя чувствую королевой, несмотря на то, что это он мой покровитель, он тот, кто полностью меня обеспечивает. А во сне ощущаю полное подавление воли другими мужчинами. Может эти сны – не более чем проекции моих неадекватных желаний? И это пройдет?

– Ты пьян, отвали, Оуэн! – шиплю я, не испытывая к парню ничего кроме раздражения.

– Я уже два года, как пьян тобой. Когда я понял, что ты могла умереть, я чуть с ума не сошел…

– О да! Когда отошел от очередной дозы дури. Не верю, – отрезаю я, отводя взгляд в сторону. – Ты был под кайфом. Тебе было плевать. Когда меня увезли, ты наверняка разделил со своим другом очередную шлюху…Мне это надоело. Я хочу порвать наши отношения, – слова соскакивают с губ, прежде чем успеваю

их обдумать. На самом деле я лукавлю. Хочу посмотреть насколько он в моей власти, на что он готов, чтобы оставить меня себе.

– Крошка… ты…. Что ты такое говоришь? – он крепче сжимает мою ладонь, и я едва сдерживаюсь, чтобы не расплыться в зловещей ухмылке. Не знаю откуда во мне все это, откуда столько смелости и дерзости. Но это отличный способ дождаться от Оуэна исполнения любого моего желания.

– Нет, нет, нет. Я не отпущу тебя. Ты же знаешь. Ты моя куколка, только моя, – нежно приговаривает он, упираясь губами в мою ладонь. Глыба льда в моей груди никак не откликается на его нежные слова и действия, и мне даже немного жаль…, потому что в каком-то нереальном, придуманном сне мое сердце превращается в источник огня за пару секунд от одного взгляда Кэлона, а здесь… я ничего не чувствую.

Тебе здесь нет места.

– Скажи, что мне сделать? Хочешь, чтобы я стал другим? Этого не будет. Но и мои чувства к тебе не изменятся. Ты моя любима куколка, —пьяным голосом шепчет Смит, покрывая поцелуями тыльную сторону моей ладони. Возвожу глаза к небу, пока он не видит, но снисходительно терплю проявления его нежности.

Закрываю глаза, и вдруг сознание озаряет реальная яркая картинка. Я вижу бирюзового цвета море, волны которого искрятся под лучами солнца. И не только солнца… На небосклоне застыли еще несколько бледных планет, и у меня дух захватывает, когда я смотрю на этот парад звездных гигантов. Удивительно красивое место, пропитанное морским воздухом. Меня снова тянет к воде. Может быть, испытавший сильный стресс организм нуждается в умиротворяющем звуке морского прибоя.

– Я хочу спокойствия, Оуэн. Хотя бы недели на две. Никаких вечеринок. Хочу, чтобы мы остались с тобой вдвоем. Чтобы никто не мешал нам… Где-нибудь на корабле посреди моря, – уже спокойным, мелодичным голосом произношу я, заглядывая ему в глаза. Он не сможет устоять перед моим взглядом «послушной девочки».

– Хорошо, милая. Я это устрою. Корабль не обещаю, но яхта тебе обеспечена.

– И никаких вечеринок на яхте? – уточняю я.

– Нет. Даю слово, – его взгляд пристально скользит по моим обнаженным ключицам. Неисправимый болван. Уверена, мысленно он уже имеет меня на яхте в разных позах. Ну… хотя бы так. Зато никаких вечеринок, на которых я снова могу совершить то, что уже сделала. Я ведь не понимала, что творю. Не знаю почему взяла и проглотила столько таблеток сразу. Руки сами тянулись…

– Как только тебя выпишут, мы уплывем в открытое море. А пока набирайся сил.

– Хорошо. Спасибо за заботу. Цветы очень красивые, – благодарю его я, когда Смит обнимает меня, и прижимаюсь к его груди. Слышу, как прерывисто бьется сердце Оуэна, в то время как мое отбивает спокойный ритм.

– Так кто такой Кэлон? – вновь интересуется он, находя мои губы своими. Смит покрывает мое лицо нежными поцелуями, и я позволяю ему это делать, автоматически издавая нежные стоны. Я действительно, как кукла. И я устала от этого… Я хочу жить, а не существовать. Мне кажется, что даже до клинической смерти я не ощущала себя такой бесчувственной, как сейчас. Ведь и дуре понятно, что Оуэн любит меня, любит. По-своему, но любит. И любая другая бы была благодарна судьбе за подобного «покровителя», но я вижу в Оуэне больше источник дохода, чем мужчину, который способен зажечь мое сердце.

– Думаешь, я знаю? Это всего лишь сон, Оуэн, – уверенно успокаиваю Смита и уже тянусь к его губам сама, нежно обхватывая их, даря ему медленный, дразнящий поцелуй.

Да. Это всего лишь сон. Хотела бы я, чтобы это было правдой…

Потому что после нескольких дней в больнице, проведенных в подобном бреду с реалистичными снами, я больше не хочу засыпать. Или наоборот хочу…, чтобы снова испытать то, что могу ощутить лишь во сне.

Мне стало мало реальности. И здесь для меня нет места.

***

Бессонница. Она мучила меня все дни, которые я провела в больнице. Я вздрагивала и впадала в оцепенение от любого шороха в коридоре, а потом часами смотрела в потолок, боясь уснуть. Каждый раз, когда проваливалась в забвение, я видела лица тех двух мужчин. И снова Кэлон убивал меня… Я просыпалась от острой пронзающей боли в груди, словно с меня живьем сдирали кожу, а на губах чувствовала вкус собственной крови…

Все как в идиотских передачах по телевизору. Тех самых, где рассказывают о том, как люди после клинической смерти приобретают паранормальные способности, либо сходят с ума. Не думала, что со мной случится подобное.

К воде тянуло так, что я могла среди ночи подойти к окну и часами всматриваться в темные, невидимые воды Эгейского моря.

И только после этого засыпала.

После еще двух недель восстановления в частной клинике мне стало лучше. Не изменилось только одно: каждую секунду я ощущаю себя другой, лишней, чужой, ненужной…несмотря на то, что Оуэн чуть ли не пылинки с меня сдувал. Конечно, он изголодался и соскучился, и как только мы вышли в открытое море, Смит утащил меня в каюту, где мы три дня не вылезали из постели.

Ничего особенного. Приятно, хорошо, привычно…секс с Оуэном давно стал для меня скучной рутиной, но почему-то я за эти два года так и не надоела избалованному миллиардеру.

Радует, что Оуэн и правда отменил все встречи и вечеринки. Вечера мы проводили на палубе, он заливал в себя виски, а я наслаждалась вином, которое изготавливают исключительно на острове Санторини.

– Ветер все никак сегодня не успокоится, – тяжело вздыхаю я, кутаясь в теплый, вязаный кардиган – очередной подарок Оуэна. Еще утром ветер испортил мне укладку, но ближе к ночи его порывы стали просто невыносимыми, пробирающими холодом до костей. Оуэн уже в который раз намекает мне на то, что пора бы «пошалить» в каюте, но что-то останавливает меня. Может быть огромная луна и небо, утопающее в ярких звездах. Такие не увидишь в Нью-Йорке и даже на Санторини. Только в дали от городов: в открытом море, в пустыне, в горах…. От луны, и я вовсе не могу отвести взгляд, постоянно

выискивая на белом пятнышке новые причудливые тени.

– Черт, мне уже хреново, – смотрю на Оуэна и только сейчас замечаю, какой он бледный, несмотря на южный загар. Мощный порыв ветра дует прямо мне в лицо, и на миг я теряюсь, не в силах вдохнуть.

– Жуть, – покашливает Оуэн, делая большой глоток виски прямо из горла. – Детка, пойдем внутрь.

– Тебе плохо?

– Да, черт возьми, – ругается он, его смазливо лицо искажается гримасой боли. – Морская болезнь или паленый виски, – судя по виду, Смита тошнит.

– Да, пойдем. Я жутко замерзла, – вспоминаю, как еще днем мы сходили с ума от жары.

К тому времени, как мы доходим до лестницы, Оуэн едва стоит на ногах.

– Проклятье, – слышу, как он ругается и быстро спускается внутрь, забыв обо мне. Яхта сильно раскачивается, меня мотает из стороны в сторону, но я не испытываю тошноты. Наоборот, ощущаю бьющую током силу через кончики пальцев, пока цепляюсь за железные поручни. Сама не замечаю, как снова оказываюсь на палубе. Бутылка вина съезжает со столика и со звоном разбивается на полу.

Подхожу к носу яхты, всматриваясь в темноту перед собой, и у меня создается четкое ощущение того, что я парю… там, где нет времени и пространства. Всего мгновение, и мощные, крупные капли дождя падают на мои щеки, лоб, скулы… Кардиган за считанные секунды промокает насквозь. Я хочу уйти, понимая, насколько опасно здесь находиться, но ноги будто прилипают к полу. А взгляд не отвести от горизонта… Внутри все сжимается, когда небо озаряется ослепительной вспышкой молнии. От звуковой волны грома яхту трясет еще больше, но я не испытываю страха. Черт возьми, что-то внутри меня радуется этой внезапной и ужасающей вакханалии, которую устроила природа…

Завораживающее зрелище. Не могу пошевелиться, когда замечаю на линии горизонта вращающийся огромный вихрь, несущийся прямо на яхту.

Ветер срывает с моих плеч кардиган и отбрасывает волосы за спину, пока я отчаянно цепляюсь за поручни, осознавая, что недооценила масштаб стихийного бедствия…

– Помогите! Кто-нибудь! – истошно кричу я, когда новый порыв ветра чуть не сбивает меня с ног. Еще крепче обхватываю мокрые поручни. Волосы и крупные капли дождя остервенело и больно царапают лицо. Я опускаю взгляд вниз, туда, где под яхтой чернеют бушующие волны, и не чувствую ничего… В голове полнейший туман, словно мне только что вкололи убийственную дозу снотворного. Мои пальцы врезаются в железную балку в момент, когда сильнейший заряд тока пронзает все мое существо, и от этого удара я сгибаюсь пополам и падаю за борт. Холодные волны поглощают меня меньше чем за секунду. Я должна попытаться выплыть и позвать на помощь, но инстинкт самосохранения в глубокой спячке, как и мое сознание. Иду ко дну… Легкие пустеют, а голова раскалывается от силы давления. Непроглядная тьма проглатывает меня, и мне уже знакомо это чувство.

Это конец. И на этот раз – меня никто не спасет.

Мерцающие звезды калейдоскопом проносятся перед внутренним взором, вращаясь, сужаясь, погружая меня в транс и забвение. И снова словно жуткие щупальца обвивают мое тело, забирая жизнь и поглощая сознание. Заполняя его гулом странных голосов и образов, которые я больше не в силах понять…короткая вспышка света, после которой уже ничего не будет. Я знаю. Никогда.

Здесь меня больше нет.

Глава 3

«И как же Душу Мне вернуть?!… Из рук, которые не держат…

Лети Душа, Ты не одна… Но просится Она обратно… к Сердцу…»

© Лана Жорж

Кэлон

Тьма шепчет, говорит со мной, и, мне кажется, я узнаю этот голос, который взывает ко мне. Бесконечная бездна, сердцевина абсолютного зла. Черное солнце ледяной пустыни. Моя душа. Мой дом.

– Кэлон, – кричат тысячи голосов, отдаваясь болезненной пульсацией в голове, и я вскидываю голову, пытаясь рассмотреть в непроглядной мгле лицо своего Бога. Но могу чувствовать только его мощь и его волю, перетекающую в меня темным ядом…. – Заверши свое предназначение. Яви мое могущество жалкому миру Ори.

Я закрываю глаза, чувствуя, как меня омывает стремительный поток чистой энергии и задыхаясь от близости Его Величия.

И Он опускает меня так же внезапно, как призвал, сохраняя отголоски силы в моих венах.

Открывая глаза, я понимаю, что по-прежнему стою в зале дворца Нуриэля в окружении Зеркал Креона спиной к алтарю, где недавно пролилась кровь белокурой Рии.

Вдыхая воздух полной грудью, прогоняю остатки оцепенения, мелкие кристаллы льда осыпаются с моей одежды. Расправляю плечи, и внезапно ощущение чужеродного присутствия проносится сквозь все мои энергетические радары. Резко оборачиваясь к алтарю, я застываю, не веря собственных глазам.

На верхней ступени лестницы, пошатываясь на стройных ногах, стоит невысокая девушка с длинными волосами, завивающимися во влажные кольца, и в странной одежде, с которой стекает вода. Если бы я находился чуть дальше, то мог бы подумать, что встреча с Темным Сахом откинула меня на несколько

минут в прошлое, и передо мной сейчас стоит Плейона, еще не принявшая свою смерть от моих рук.

Но это не она.

– Что за черт? – с ужасом глядя на меня, восклицает девушка. По всей видимости она тоже не особо ожидала встречи со мной. Я сжимаю рукоятку кинжала за поясом, пристально разглядывая незнакомку. И она делает тоже самое. Осматривает меня с головы до ног, начиная дрожать от холода. – Какого хрена?

Девушка продолжает говорить непонятные мне слова, и я делаю шаг вперед, собираясь выяснить, кто она такая, и как здесь оказалась. Ни одна смертная не способна выдержать мощь Зеркал Креона. В голове мелькнула абсурдная мысль, что во время моей короткой встречи с Темным Богом она прошла сквозь одно из зеркал Креона. Попытки вторжения случались и раньше, но я всегда их останавливал, блокируя переходы.

– Эй, парень. Тебе лучше стоять на месте, – выставив руку вперед, девушка отступает назад. – Это ад? Я поэтому тебя видела? Ты что-то типа Вестника Смерти или Дьявол?

– Ты меня видела? – задумчиво спрашиваю я, наклонив голову на бок.

– Боже, я тебя понимаю, – изумленно говорит она, распахивая ресницы шире.

– Я не Бог, – раздражённо качаю головой. И уточняю с мрачной улыбкой: – Пока не Бог.

– Супер. Ты разговариваешь. Только не подходи, хорошо? Я готова к переговорам, – продолжает нервно щебетать девушка, пятясь назад. И с каждым моим шагом в ее сторону начинает трястись еще больше. Страх незнакомки очевиден, и мне даже не нужно использовать свои ментальные способности, чтобы осязать его.

– Кто ты такая? – требовательно спрашиваю я, направляясь к ступеням. Девушка натыкается спиной на алтарь, и инстинктивно оборачиваясь, смотрит на него. Вопль животного ужаса разрезает высокие своды зала.

– Это кровь, да? – задыхаясь, спрашивает она, делая роковую ошибку, поворачиваясь ко мне спиной.

– Да. Кровь, – спокойно отвечаю я, неумолимо приближаясь. Пытаюсь просканировать ее на принадлежность к какому-либо из миров, скрывающемуся за порталом, но натыкаюсь на непробиваемый блок. Мощная защита и способность проходить через портал может быть дана только представителю высших цивилизаций. Она не примитивная. Однако явно мне не помощница, и судя по ее реакциям, сама не понимает, что здесь делает. В любом случае ей здесь не место.

Я страж Зеркал Креона, назначенный темным Богом, и в мои обязанности входит устранение любых нарушений равновесия. Представители других миров, проникшие на Иас, подлежат уничтожению, как угроза. А жаль…. Мокрая одежда подробно подчёркивает очертания тела девушки и то, что я вижу, не оставляет меня равнодушным. Не уверен, что ей придется по вкусу мое предложение, а долго уговаривать женщину я не привык. Между нами остается всего несколько шагов, и я достаю кинжал, крепко сжимая его в руке. Но что-то останавливает меня, не дает нанести решительный удар. Возможно, едва ощущаемый смутно-знакомый аромат ее волос и поток хаотичных мыслей, который я начинаю неожиданно считывать, но не успеваю понять из-за спутанности образов, которые она видит. Она не отсюда, чужая, и у меня есть только один вариант решения вопроса. Но я медлю.

Меня не покидает странное тревожное ощущение, появившееся еще до начала ритуала жертвоприношения, попеременно то возрастающее, то утихающее. Энергия Врат была нестабильна с самого начала, но я не определил источник, я пропустил ее. Моя ошибка. Нет никакой возможности отправить ее обратно. Во-первых, девушка теперь знает об этом месте, а во-вторых, я не знаю, откуда она пришла. Я могу пробиться сквозь блоки ее сознания, но, скорее всего, и в этом случае она обречена. Ее разум не выдержит подобной процедуры. Много раз во время военных походов мы брали в плен полководцев противника, и я лично проводил дознание. Некоторые сходили с ума, и мне приходилось добивать их, другие умирали еще во время процедуры. Но я всегда получал то, что хотел, однако подобные развлечения стоили мне нехилой энергии, которую после приходилось восстанавливать различными способами. Имеет ли хоть малейший смысл напрягаться ради этой девчонки, если она все равно умрет? Или свихнется. Куда приятнее разложить ее на каменном полу, сорвав мокрые тряпки, и попробовать на вкус бледную кожу, растерзать хрупкое тело, заставив

ее кричать от боли.

Много сотен лет назад сразу после падения Минтаки я провел рабов через второе Зеркало Креона из нижнего мира в помощь Нуриэлю для построения новых городов и храмов. Это не было нарушением, я принес клятву Саху, что восстановлю равновесие. И я сдержал слово. Все они были убиты после выполнения миссии. Отчаянные крики были слышны на сотни километров, достигая самых отдаленных сел, где люди в ужасе запирали свои дома. И этот зал утопал в крови, которая стекала алыми ручьями вниз по лестницам, окрашивая склоны дворца в красно-бурый цвет. Я убил их хладнокровно, выпустив на охоту за живой плотью своих черных огромных псов, никогда не знающих насыщения. И никогда, ни в одну из ночей белой Луны мне не снились их предсмертные вопли.

И все-таки я медлю, наблюдая, как незнакомая девушка, проникшая из чуждого нам мира, склоняется над алтарем, привлеченная блеском золотого украшения. Ее волосы тяжелыми влажными локонами спадают с плеч, скрывая утонченные нетипичные для наших женщин черты лица. Мне кажется, что я вижу едва заметное свечение, исходящее от белоснежной кожи ее рук, когда она протягивает правую руку.

– Не трогай! – резко бросаю я. Но девушка словно не слышит. Завороженная, она прикасается к браслету кончиками пальцев, исследуя изогнутые линии драгоценного металла.

– Я видела его раньше, – едва слышно шепчет она. И резко обернувшись, смотрит мне прямо в глаза. Мой взгляд удивленно, пристально изучает необычные черты незнакомки. Полные губы и миндалевидные распахнутые глаза, в которых сверкает чистый, ничем неприкрытый ужас. Оттенок ее волос тоже необычен и напоминает блеск белой луны в зените своего рассвета. Я вдруг понимаю, что не могу оторвать от нее глаз. Пальцы покалывает от желания прикоснуться к ней, потрогать на ощупь. Что за наваждение?

– И тебя я тоже видела. Что происходит? Где я? Кто ты такой, черт побери? И почему опять мне снишься? – тихий тонкий голос срывается от страха, но она не отводит взгляд.

Как ей удается выдерживать взгляд черного жреца?

Я перебираю в уме образы, которые получаю от нее, пытаюсь понять, к какому миру она принадлежит, и к собственному потрясению ищу способы удержать ее здесь, не сломав раньше времени.

Ее взгляд опускает на зажатый в моих пальцах кинжал со следами крови Плейоны. Мои пальцы тоже запачканы бурыми подсохшими пятнами. Алые капли с глухим всплеском срываются с алтаря на каменный постамент, образуя небольшие бардовые озерца. Девушка вскрикивает, оценив открывшуюся ей картину по достоинству, и прижимает ладонь к губам, пытаясь удержать немой вопль.

– Что? Ты собираешься убить меня? За что? – в меня ударяет волна чужого отчаяния и боли, и неожиданно для самого себя я испытываю подобие смущения за то, что она видит меня таким. Почему, Великий Сах?

– Ты нарушила границы моего мира, – бесстрастно сообщаю я, прогоняя кратковременное сомнение в принятом решении.

Бездна ужаса и непонимания, отрицания происходящего плещется в темных зрачках, смертельная бледность разливается по впалым щекам. Совсем юная. Девочка. Я не чувствую в ней огромного жизненного цикла. Ее путь был недолог. Но больше всего меня потрясают аметистовые радужки ее глаз.

Великий Сах. Я знаю это лицо.

Воздух кажется полностью выходит из моих легких. Я видел ее сотни лет назад, и тогда мне казалось, что это Элейн наводит миражи, пытаясь запутать меня, сбить с толку. Она пыталась спасти ее. И я тоже…. Хотя она и не заслужила.

Я знаю, кто передо мной.

Ни капли сострадания не остается в моем вспыхнувшем яростью сердце.

Она не должна быть здесь! Время еще не пришло.

Девушка даже вскрикнуть не успевает, когда одним резким движением я хватаю ее за горло, приподнимая над каменным постаментом, и глядя в испуганные глаза, безжалостно вторгаюсь в сознание всей мощью своей силы, ища там недостающие кусочки головоломки.

– Как ты прошла, как, мать твою, Мандиса! – рычу я, сжимая ее горло все сильнее. Огромные глаза становятся еще больше, мерцая потаенным светом. Огненная рия. Это она. – Сах свидетель, я не призывал тебя!

Девушка беспомощно дергается, пытаясь безуспешно вдохнуть, розовые пятна проступают на щеках, и я понимаю, что убиваю ее, но уже зная то, кем она является, уверен, что ей ничего не грозит. Мои руки для нее не смертельны. А вот ее…

– Покажи мне! – яростно кричу я, приближая своё лицо к ее, имея в виду последние воспоминания перед тем, как она оказалась здесь. И в этот момент девушка хватает меня за запястья обеими руками, и я вздрагиваю от шипящего звука горящей плоти. Моей плоти. Пальцы инстинктивно разжимаются, и я она падает на каменный пол, хватая ртом воздух и испуганно пытаясь отползти подальше от меня. Я с нарастающим гневом смотрю на новые отметины, которые оставила огненная рия на моей коже. Почерневшая вздувшаяся кожа на запястьях уже начала лопаться и сочится кровью. Боль, охватившая всю руку от запястья до плеча, яростной пульсацией бьется в венах, поднимая во мне волну ослепляющего гнева.

Obsena! Она снова это сделала! Змея! Я уничтожу ее.

В два шага оказываюсь рядом с трясущейся от страха рыдающей девушкой, хватаю ее запястья, опрокидывая ее на алтарь. Она бьется и сопротивляется, продолжая кричать и произносить странные слова.

– Ублюдок, чудовище. Слезь с меня, урод. – вопит она, когда я наваливаюсь на нее сверху всей тяжестью своего тела, распластываю под собой прямо на вязких лужицах чужой крови. Стискиваю ее запястья пальцами одной руки, запрокидывая их вверх.

Ничего не изменилось.

Мы по-прежнему враги. И она все так же ненавидит меня. Ее взгляд пылает, и в глубине черных зрачков я вижу огненные всполохи. Если я отпущу ее, она сожжет меня заживо.

– Я должен тебя вернуть обратно, Иса. Слишком рано, – устало и с нотками сожаления говорю я. Она вздрагивает всем телом, и я ощущаю, какая она теплая, мягкая подо мной. Надавливаю сильнее, заставляя ее ноги раздвинуться, и она ошеломлённо смотрит мне в глаза, приоткрывая губы, словно пытаясь что-то сказать. Ее губы выглядят иначе, как и другие черты лица. Даже волосы. Огненная Мандиса исчезла. Такая нежная кожа, сладкая. Я помню… А ты, Иса? Что помнишь ты?

И она застывает, словно прочитав мои мысли, изумлённо хлопая ресницами. Но мне достаточно того, что я вижу в ее глазах – Иса не знает, кто она. Это так опьяняет, соблазн слишком велик, но я не могу рисковать.

– Зачем ты меня мучаешь, Мандиса? – шепчу я, поддавшись мгновенной слабости. Опускаю голову, провожу губами по ее щеке и чуть ниже по нежной линии шеи, на которой бешено пульсирует венка.

– Пожалуйста, кто бы ты ни был, отпусти меня, – она начинает умолять, я чувствую горячие слезы на своих губах. Сколько раз я слизывал их, Иса? Твои слезы для меня мёд. Настанет день, когда ты поймешь, что это лучшее, что у тебя было.

– Я так хочу тебя, Мандиса, так безумно хочу, – бормочу я, одурманенный ее ароматом, теплотой кожи. Мои ладони сжимают упругую грудь, и я ожесточённо вжимаю ее в камень своим телом, заставляя почувствовать, что я способен ей дать. – Ты даже представить себе не можешь, чтобы я сделал с тобой, если бы мог. Если бы у нас было чуть больше времени.

– Боже, прошу, мне так страшно, – шепчет в отчаянии девушка, вызывая у меня циничную улыбку.

– Я бы хотел быть твоим Богом, Иса. И буду. И когда это случится, страх – это меньшее, что тебе придется испытывать. Я накажу тебя, Иса. Долго, мучительно, местами сладостно, но это будет больно. А потом прощу…, если ты выживешь.

Погруженный в чувственные ощущения, которые дарит мне беспомощное хрупкое тело девушки, распростёртое подо мной, я ненадолго теряю бдительность. Коварная рия пользуясь моментом, вырывает запястья из захвата. Пытаясь меня оттолкнуть, она касается раскрытой ладонью моей шеи, и на этот раз я не могу сдержать болезненного вопля. Снова скручиваю ее руки, и ослепнув от ярости, сжимаю в свободной руке кинжал и резко заношу над грудью огненной рии.

– Ты сама напросилась, Мандиса, – гневно рычу я.

Начинаю опускать руку, и Иса застывает, с неожиданным смирением уставившись на приближающееся острие кинжала. Доля секунды, и все было бы кончено. Снова. Я отправил бы ее обратно, и она забыла бы об этом дне на долгие годы своей новой жизни.

– Кэлон, нет, – услышал я незнакомый женский окрик. Он прозвучал в моем сознании, как удар хлыста, заставив вскинуть голову.

Время и пространство остановились. Свет померк, воздух застыл. Сердца перестали биться. Я потерял контроль над своим телом, полностью скованный чужой волей. Серебристое свечение плывущей над полом женский фигуры, вибрируя и мерцая, становилось все более отчётливым, принимая облик совершенной красавицы в длинных белоснежных одеждах и вьющимися мерцающими серебром локонами, распущенным по хрупким плечам. Лунная Богиня. Я ни разу не видел ее, но не узнать Элейн невозможно. Ее сила в безграничной нежности и любви, которыми она наполняет все вокруг. Однако ей никогда не коснуться моего сердца. Я ожесточенно смотрю на незваную гостью, пытаясь двинуться с места, но мое тело полностью парализовано.

– Она не вернется, если ты это сделаешь. Сохрани жизнь огненной рие. И однажды я верну тебе долг, – шелестит в моём сознании мелодичный голос. Губы Элейн ласково улыбаются мне, словно я ее любимый сын, а не жрец главного врага.

– ЕЕ место здесь, – легкое дуновение ветра доносит до меня цветочный аромат, настолько тонкий и дурманящий, что я чувствую легкое головокружение. Лунная Богиня явилась, чтобы просить меня сохранить жизнь своей рие. Темный Бог позволил мне лицезреть его мощь и волю. Что за день такой сегодня, мать вашу?

– Освободи меня, Элейн, – посылаю я ей свою ярость и гнев. Богиня склоняет голову, и лунные блики разлетаются в разные стороны. Светлые серебристые глаза смотрят в мои, и я вижу, как она неумолимо приближается. Цветочный аромат становится сильнее, я ощущаю, как тяжелеют веки. Душу наполняет небывалое ранее блаженство, и в этот момент Элейн, сотканная из звёзд и лунного света, проходит сквозь наши с Исой застывшие тела, накрывая своим серебряным покрывалом.

Но когда через пару минут наваждение спадает, и я открываю глаза, все случившееся мне кажется не более, чем миражом, иллюзией, которые не раз пыталась наслать на меня Элейн, когда я собирался совершить убийство. Я всегда мог противостоять ей. Светлая богиня для меня неопасна, но сегодня ей удалось каким-то непостижимым способом заставить меня сомневаться. Раньше Элейн никогда не являлась лично в своем истинном облике. Чем я заслужил подобную честь и внимание?

Элейн сказала, что Мандиса не вернется, если я убью ее. И у меня есть только один способ узнать правду, но, к сожалению, он не подходит.

– Черт бы тебя побрал, Иса, – раздраженно выдыхаю я, бросая в сторону клинок. Она больше не плачет, не бьется подо мной, находясь в полнейшем шоке от происходящего. Мы оба смотрим друг на друга долю секунды, пока вдруг до меня не доходит, что я только что сказал. Точнее, совершенно не понял.

– Давай лучше говорить на моем языке, Иса, – мрачно говорю я, отпуская ее. Отхожу на несколько шагов, чтобы, наклонившись, поднять упавший во время нашей небольшой потасовки браслет, и подаю его девушке.

– Надень, и, если хоть раз снимешь, мой кинжал больше не дрогнет. Ты поняла меня? – спрашиваю я, испытывающее глядя в перепуганные глаза.

– Меня зовут не Иса, – жалобно всхлипывает она.

– Мне совершенно наплевать, как тебя зовут, – яростно отвечаю я. – С этого момента ты моя одала, и не покинешь свои покои в хариме, пока я не решу, что с тобой делать.

Мандиса

Меня парализует страх, и малейшее движение, любое сопротивление разъяренному мужчине причиняет мне боль – настоящую, осязаемую, такую, какую я не испытывала прежде. До того, как утонула…

Я не раз думала о том, что ждет всех нас после смерти. Но ни в одной из своих фантазий я не представляла себе ад таким реальным, и, как ни странно, красивым. Несмотря на всю чудовищность этого места, на капли и лужи крови, размазанные по поверхности холодного каменного настила, оно выглядит поразительно. Семь бесконечных тоннелей, напоминающие огромные зеркала с рассеянным светом на их поверхности, с туманностями и звездами мерцающими и вспыхивающими в их глади, поражают воображение. Никогда бы не подумала, что увижу подобное совершенство. Пусть во сне, в бреду, или предсмертной агонии…

Все красоты этого места мгновенно меркнут, как только я вспоминаю о том, что нахожусь в метре от убийцы, и мне не нужно быть свидетельницей того, что произошло здесь совсем недавно, чтобы понять: он только что убил молодую девушку (судя по клочкам белых волос, оставшимся на камне), и собирался сделать тоже самое со мной. Снова.

Тело не слушается, любое движение дается с трудом, но еще никогда я не ощущала себя более живой, наполненной энергетически и такой сильной. Несмотря на страх и ужас, полное непонимание происходящего, мое сердце трепещет, стремительно отбивает пульс, а я жадно рассматриваю каждый узор на каменных стенах этого места. Каждое зеркало, так похожее на врата в другой мир. Я пришла из того, что посередине…интересный, и такой реальный, предсмертный сон. Удивительно.

Никогда не чувствовала себя счастливой и не знала, что такое «дом», но не хотела умирать. Может, я снова оказалась в пространстве между жизнью и смертью, и у меня еще есть возможность очнуться? Пока все, что происходит со мной, похоже на галлюцинации и не поддается никаким объяснениям, но я привыкла прислушиваться к своему сердцу. И сейчас мой разум не понимает, почему сердце горит, вспыхивает прямо в груди, испытывая целый спектр противоречивых эмоций, на которые я прежде была не способна.

Я никогда не знала чувства сострадания, я практически не знала страхов, которые терзали моих знакомых, словно жила с ощущением: все это – неважно. Все – временно, быстротечно, а поэтому и не имеет значения…я не хотела умирать, но и не боялась смерти.

Разве мне было, что терять? Страх потерять Криса перекрывала боязнь не отдать ему то, что он мне подарил.

А теперь…я познала страх. Тягучий, целиком заполняющий душу, пропитывающий ядом все мое существо, но дающий главное – желание бороться, вцепиться зубами, «вырвать» жизнь и драгоценные секунды из лап Предвестника смерти. И когда я снова поднимаю взгляд на мужчину, всматриваясь в беспросветную бездну, прикрытую оболочкой пронзительно голубых глаз, я ощущаю, как сотни игл врезаются мне под кожу, а вены обжигает изнутри.

Я до сих пор чувствую силу Кэлона, тяжесть его тела на себе и то, как он вжимает меня в ледяной камень, рычит одержимый бред о том, что хочет меня. И я чувствую, черт возьми, насколько хочет…а дальше полный туман в голове, и мощнейшее ощущение страха во всем теле. Безумные энергетические вибрации, к которым мое тело не приспособлено. Находясь так близко к нему, я едва не потеряла сознание. Наверное, я бы умерла, если бы прикоснулась к подобной силе, к этому изначальному Злу кожа к коже.

Кожа к коже…от этой мысли у меня все тело немеет, а язык прилипает к небу, пока я содрогаюсь, наблюдая за тем, как глаза Кэлона темнеют за считанные секунды. Две огромные черные бездны выходят за пределы зрачка и радужки. Полнейшая тьма в его глазах вселяет в меня новую порцию ужаса, желание закричать, убежать, испариться…взгляд, не ведающий сострадания, поглощает, а внутри себя я вижу ужасающие видения, так похожие на воспоминания…перевожу взгляд на руки Кэлона. На грубых ладонях редеют капли крови, но я вижу глубже: не только на ладонях. Его руки по локоть в крови и смерти, нет…он и есть сама смерть. Моя погибель, и так было, есть и будет всегда…

Он тот, от кого мне нужно бежать, даже находясь в выдуманной реальности, в плену этого предсмертного бреда.

Я должна очнуться.

Я думала, что хуже уже быть не может, но Кэлон произносит:

– Мне совершенно наплевать, как тебя зовут, – металлический голос царапает нервы, ноги подкашиваются от новой волны ярости, исходящей от мужчины. – С этого момента ты моя одала, и не покинешь свои покои в хариме, пока я не решу, что с тобой делать.

Одала (не знаю, откуда, но мне известно, что означает это слово – рабыня для утех) …меня начинает подташнивать от очередной панической волны и грязных мыслей, которые вижу на дне его черных глаз. Я не собираюсь и для тебя быть игрушкой, нет.

Я устала. Подсознание тщательно перебирает пути и варианты спасения, и мой взгляд скользит по глади одного из зеркал. На поверхности врат, из которых я вышла, мелькают образы шторма и грозы, и что-то подсказывает, что мне стоит попытаться нырнуть обратно. Лишь оказаться по ту сторону…

Может быть так я очнусь. Пусть снова в больнице, но, по крайней мере, там, где я необходима. Если я и правда умерла или впала в кому, Крис обречен.

Ни в одной из реальностей я не прощу себе этого, даже во сне. Я не знала отцовской любви, не знала материнской ласки, но Крис заменил мне их обоих. Он спас меня от одиночества, отгородил от жестокости этого мира, подарил мне другую жизнь, и я не могу просто так исчезнуть. Даже если я уже мертва…я обязана попытаться вернуться, как бы абсурдно это ни звучало. Я не могу позволить ему потерять меня.

И все же браслет лучше надеть, иначе мужчина с демоническим взглядом убьет меня прежде, чем я доберусь до одного из мерцающих тоннелей. Кэлон протягивает его мне, и в момент, когда я забираю его, кончики пальцев снова жжет.

Сжимаю браслет в ладони, ощущая раскаленной металл, который не обжигает мою кожу. В реальности я бы не смогла даже прикоснуться к нему. Аметистового цвета камни вместо глаз змеи притягивают, дурманят…заставляют меня снова взглянуть на Кэлона и вспомнить силу его желания.

Сверхъестественное влечение, непреодолимое наваждение всего лишь на мгновение бьет током все мое тело…сконфузившись от боли, я натягиваю браслет и фиксирую его чуть выше локтя, предварительно срывая с себя мокрый кардиган.

– Рабыня? – яростно выплевываю, швыряя предмет одежды к ногам Кэлона. Немного не хватило, чтобы он попал в него. – Говорить на твоем языке? Не знаю, кто ты и ЧТО ты, но я буду говорить на своем языке.

Слышу его низкий рык, спрятанный за непроницаемой маской и плотно сжатыми губами. Лишь выступающие желваки и подрагивающие от тяжелого дыхания ноздри выдают его гнев с головой.

– И вообще, ты – никто. Тебя нет, – заявляю я, собирая остатки воли и смелости в кулак. Я должна показать ему, что не боюсь его. К тому же он лишь моя фантазия, пусть самая страшная из них…

– Ты НИКТО! Ты гребанный плод моего воображения, и я не позволю тебе снова убить меня! К тому же я не боюсь смерти, – пячусь назад, замечая искры гнева и бесов в черных глаз. Подавив отчаянный крик, кидаюсь в сторону Зеркала, из которого вышла, и протягиваю руку…меня бросает в холод. Чувствую, как руку затягивает в энергетическую воронку, и мне остается всего лишь один шаг для того, чтобы нырнуть туда.

А дальше…как я надеюсь, очнусь в больнице, и все снова будет хорошо.

Все произошедшее окажется сном, и я вскоре его забуду. Так бывает. Нам всем снятся реалистичные сны, но уже завтра я и не вспомню лица Кэлона, его прикосновений и то, как…его кожа горела под моими пальцами.

Сначала я думаю, что это врата сами отбрасывают меня на три метра назад, но, когда больно ударяюсь поясницей о каменный настил, ощущаю, как меня хватают за волосы, тело парализует болью. Он крепко держит, и я начинаю терять сознание от усталости и боли, но держусь изо всех сил.

– Я – никто, Иса? Я заставлю тебя пожалеть о своих словах, глупая рия, – еще никогда я не слышала столь дьявольских нот в убийственно спокойном голосе. –

Другая жизнь изменила тебя, но я думаю, у меня есть пара приемов, чтобы быстро сделать тебя покорной.

Рия? Покорной? Пошел к черту!

С неумолимой жестокостью этот Дьявол воплоти наматывает мои волосы на свой кулак и тащит меня по ледяному каменному полу к выходу из зала, где швыряет к ногам своих облаченных с головы до ног в черные одежды слуг. Безжалостные, непроницаемые, жуткие лица смотрят на меня без тени сочувствия. И я понимаю с рвущим душу в клочья отчаянием, что мне не от кого ждать помощи в этом страшном месте.

– Бросьте ее в харим (см. глоссарий). В любую свободную комнату, – сухо отдает приказ Кэлон. – Никто не должен знать о появлении новой одалы.

– Ублюдок! Ненормальный маньяк! Прочь из моей головы! – кричу я, ощущая, как сильно сжимают меня несколько мужских рук. Меня отрывают от пола, и я хочу снова закричать, но не могу. К носу прикладывают что-то похожее на лоскут ткани, пропитанный отвратительным, травяным запахом. Чувствую, как меня несут, держа за руки и ноги, и я больше не могу сопротивляться. Я элементарно вымоталась, выдохлась. Ощущаю себя беспомощной, задыхающейся рыбкой, выброшенной на берег. И нет возможности вернуться обратно в море. Вкус отчаяния на губах, я и не помню, как плакала, извиваясь под Кэлоном. Вкус страха, растерянности. Полного смятения…

Боже, за что мне игры эти разума? Почему я схожу с ума? Невольно начинаю осознавать прелесть сырых будней с Оуэном. Жизнь с ним – это моя зона комфорта, пусть и не мой «дом». Безэмоциональное «существование», удобство, привычка…а сейчас что? Сплошной коктейль из страха, словно я действительно оказалась в чистилище, где должна пройти девять кругов ада, прежде чем мой дух оберет покой. И что-то мне подсказывает, что это еще даже не первый круг…это только его преддверие.

Ущипните меня, но от ада я ожидала чего угодно, но никак не того, что черт и искупитель моих грехов предстанут передо мной воинственного вида мужчиной, заявляющим, что хочет меня, и отдающим на растерзание своим мрачным слугам со свирепыми лицами.

И снова жалкая попытка сопротивления через боль, через слабость в мышцах. Начинаю брыкаться и пытаться закричать, но из губ выходит только нечленораздельное мычание…один из стражников отвешивает мне тяжелую пощечину. Щеку обдает огнем, скулы сводит от боли, звон в ушах порождает новый импульс головной боли. Не знаю, как моя голова смогла создать такой жестокий мир, но с женщинами здесь не церемонятся…

– Молчи, obsena. И советую тебе быть непослушной одалой для Амида, – сквозь туман в голове, слышу голос одного из стражей. И новый приступ тошноты от исходящего от него запаха крови и пота. – Знаешь почему? Непослушных и никчемных уродливых шлюх он отдает нам. В качестве награды. А знаешь, что мы с ними делаем? Неужели не знаешь? Мы имеем их по кругу, доводя до криков и просьб о пощаде, потому что нам нравится причинять боль. Уяснила? Поэтому не рыпайся. Ты должна быть рада, что такой потаскухе, как ты, выпала честь попасть в замок Нуриэля. А ты плачешь и вырываешься, словно не знала, что тебя ждет, когда обучалась в Плезире.

Нет! Не бывать этому! Вас вообще не существует, уроды! — хочется закричать мне, но пространство пустых коридоров заполняет лишь мое жалкое мычание.

– Заткнись, тебе сказали! – новая волна вони, от которой желудок скручивает. Задерживаю дыхание, желая в этот момент…пусть задохнуться, лишь бы не чувствовать, что меня несут как куклу, и не слышать этих жутких слов. – Я лишь предупредил тебя. С нетерпением буду ждать нашей встречи, – новый всхлип застревает в горле, и я чувствую, как сильно сжимают мне запястье и голень, выворачивая сустав…боюсь полностью терять сознание среди незнакомых мужчин, опасаясь самого худшего. Но прежде чем я успеваю представить себе страшную картину моего будущего, я вырубаюсь за секунду. Организм, тело, измотанная душа просто не выдерживают стресса.

Глава 4

«… Человек не рождается раз и навсегда в тот день, когда мать производит его на свет, но жизнь заставляет его снова и снова – много раз – родиться заново самому.»

Габриэль Гарсиа Маркес. «Любовь во время чумы.»

Кэлон

Отчаянные вопли Исы все еще звучат в моей голове, когда я прохожу по длинным извилистым коридорам дворца в свою половину замка. Окна личных покоев выходят на юг, именно оттуда, из холодных, покрытым мраком бесконечной ночи и вечных льдов я пришел в Элиос. И каждую ночь, поднимаясь в храм в верхнем отсеке дворца, я читаю молитвы своему Богу, глядя, как белая луна поднимается над Креоном, невидимому взору непосвященных. Но мне не нужны глаза, чтобы узреть свой дом. Достаточно закрыть их, произнося заклинания, чтобы снова ощутить благословение и холодное дыхание Креона.

В ярости срываю одежду, залитую кровью Плейоны, пропитанную неуловимым ароматом Мандисы, ощущая, как во мне в ровной степени клокочут безумие похоти, гнев и черная энергия. Я заставлю ее вспомнить. Все. Каждую мелочь, потаённую мысль во всех кровавых подробностях, заставляя рыдать и молить о милосердии. И я стану единственным хранителем ее души, который будет решать, сколько ей жить, с кем и где. Но не сейчас. Я готов был отправить огненную рию туда, откуда она явилась до тех времен, пока не свершится пророчество. Не просто готов, это было необходимо сделать. Если бы не вездесущая Элейн…. Она заставила меня усомнится в принятом решении, сказав, что Мандиса не сможет вернуться, если я остановлю ее сердце снова. Воля Богини, мать ее! Кто она такая? Простая жрица, которую возвёл в божественный ранг Светлый Ори, дав силу, которая она не заслужила. Бывшая наложница Саха, шлюха моего Бога. И почему я должен подчиняться ей, если правила сохранения равновесия миров записаны тысячи лет назад?

Но лукавлю перед самим собой. Сколько раз я сам нарушал законы Врат, заключая договор с Сахом. И его цена всегда была одинакова. Я должен был вернуть то, что взял. Рабы и экзотические красавицы из других миров могли сотни лет работать в Элиосе и ублажать привилегированные касты Правителей, Жрецов и Магов, но рано или поздно им предстояло вернуться в свои миры. И переход этот им не нравился. Совсем не нравился. Зато мои черные гончие были довольны и сыты.

– Амид (на языке др. минтов – хозяин, повелитель, господин, см. глоссарий), мы доставили одалу в освободившиеся покои Плейоны, – раздается за спиной голос Дага, предводителя моей стражи. Резко разворачиваюсь, не стесняясь своей наготы, и тут же как из не откуда появляются две одалы с чистой одеждой для меня.

– Мы приготовили для тебя ванну, Амид, – произносит одна из них, вытирая влажной тканью кровь с моей шеи. – Одала готова помочь восстановить своему Амиду силы, – нашептывает другая.

Даг, приподняв бровь не без завистливого блеска в глазах, наблюдает за происходящим. Я же совершенно не обращаю внимание на суету и щебетание женщин, хлопочущих вокруг меня. Грубо отталкиваю одну, когда она пытается коснуться моего обожженного запястья со своими заживляющими мазями. Бессмысленно. Ожоги огненной рии не поддаются магии. Я буду носить их на себе вечно. Короткая вспышка боли, пробужденная прикосновением одалы к ожогу, вновь вызывает во мне волну неконтролируемого гнева, напоминая о той, которая оставила на мне свою метку. Но ничего, я высеку на ее теле куда больше шрамов, чем досталось мне. Мандисе больше не удастся одурачить меня. Ни новое лицо и волосы, ни полные отчаянного страха глаза не остановят от того, что было ей уготовано еще несколько сотен лет назад, но передвинулось на необозримое будущее. Возможно, я зря проклинаю Элейн с ее вмешательством, и на самом деле она сделала мне подарок, убедив оставить Мандису здесь, в Элиосе. Самый долгожданный подарок и самый опасный. Я не из тех, кто так просто забывает прошлое, даже если она забыла. И я не дам ей вспомнить так долго, как сумею, я разрушу ее на части, превратив в руины все, что когда-то было ценно и дорого. Тысячи осколков вонзятся в ее сердце, и каждая рана от них будет кровоточить, когда память к ней вернется, и она поймет, узнает, кто я и что с ней сделал.

– Мой Амид, я просто хотела промокнуть твою рану, – без малейшего намека на обиду виновато бормочет девушка, поднимаясь с колен. Я задерживаю взгляд на янтарных глазах, готовой на все ради своего господина, темноволосой одалы и с ласковой улыбкой протягиваю ей здоровую руку. Девушка снова падает на колени, благодарно хватая мое запястье и прижимается губами к тыльной стороне ладони.

– Какие покорные и услужливые. Новая одала вряд ли будет такой, – с ухмылкой замечает Даг, пройдясь похотливым взглядом по стройным изгибам фигуры

темноволосой девушки, покрывающей поцелуями мою руку. Мне достаточно дернуть сверкающее на ее плече золотое украшение, чтобы полупрозрачное светлое одеяние соскользнуло с соблазнительного тела на каменный пол, застеленный шкурами убитых в Креоне серебристых оранов (см. Глоссарий), таких же свирепых в бою, как и мои воины. Убить орана на границе с Креоном – это испытание, который должен пройти каждый новобранец, прежде чем стать полноценным воином моей армии. Удается не каждому. Оран – дикий и непредсказуемый огромный зверь с серебристой шкурой и свирепым нравом, быстрый, бесшумный, не смотря на свой вес, и несомненно обладающий разумом. Два ряда острых клыков и ядовитая слюна делают смертельным любой его укус. Я убил сотни оранов, и ни разу не был ранен.

– Новая одала будет еще лучше, – мрачно ухмыляюсь я, возвращаясь к замечанию Дага и чувствуя зарождающее внутри предвкушение. – Как тебя зовут? – глядя на темноволосый затылок девушки, смиренно приклонившей передо мной колени, спрашиваю я. Приподнимаю ее лицо за подбородок, лаская пальцами нежную кожу.

– Айя, мой Амид, – чуть слышно шепчет она с благоговением. – Но ты можешь звать меня, как пожелаешь, – сверкающими от восторга глазами смотрит Айа. Не поворачивая головы, я обращаюсь к наблюдающему за представлением стражу. – Даг, тебе нравится Айя?

– Очень, господин, – поступает ожидаемый ответ. Я чувствую, как напрягается одала, и взгляд ее, только что так восторженно изучающий мои черты, наполняется страхом. Она смотрит на огромного Дага, чье лицо покрыто шрамами и многодневной щетиной, и мне не нужно использовать свои ментальные способности, чтобы понять, как она напугана.

– Айа, – мягко произношу я ее имя, растягивая буквы, – я хочу, чтобы ты удостоила чести моего боевого друга самым изысканным удовольствием из тех, которым тебя обучали в Плезире, – выражение отвращения появляется на лице девушки, когда Даг расплывается в похотливой улыбке, чуть ли не хрюкая от предвкушения. Не теряя времени, он начинает развязывать шнуровку на своих штанах, не сводя жадного взгляда с охваченной ужасом девушки. Она по-прежнему держится за мою руку ещё с большим отчаянием, с мольбой ища на моем лице признаки милосердия.

– Выполняй мое пожелание, Айя, – погладив ее по щеке, произношу я чувственным шепотом. И ощущаю спиной дрожь второй одалы, на глазах которых ее подруге предстоит страшное унижение. Но разве можно назвать унижением исполнение воли их господина, их Амида. Цель одал – ублажать меня так, как я пожелаю. И это мое желание.

– Нет, Амид, умоляю. Я не смогу, – в янтарных глазах блестят слезы отчаяния, и она снова неистово целует мою ладонь, пытаясь своими слезами разжалобить того, кому не знакомо ни сочувствие, ни милосердие. Мне нужно ее боль и агония. Сейчас. Особенно сейчас!

– Не сможешь? – обманчиво ласковым голосом вопрошаю я. Она качает головой. Полные губы дрожат. Я освобождаю руку из ее захвата и ударяю по щеке, отбрасывая в сторону. – Неповиновение Амиду требует немедленного наказания, – неумолимо заявляю я. Девушка начинает рыдать в голос, держась за покрасневшую щеку. – На колени, Айа! Ползи к Дагу и сделай так, чтобы он остался доволен, иначе придется ублажать всех его воинов до конца своих дней, – мрачно обещаю я.

Издав громкий вскрик, девушка делает то, что ей говорят, и ползет к спустившему до колен брюки Дагу, нетерпеливо поглядывающему на нее из-под отяжелевших от возбуждения век.

– Что встала? Продолжай одевать меня или хочешь присоединиться к подруге? – не оглядываясь на почти не дышащую за моей спиной вторую одалу, резко выговариваю я. Девушка поспешно исправляется, накидывает на мои плечи светлую рубашку, тщательно расправляя каждую складку на ткани.

Даг, тем временем, хватает за волосы оказавшуюся в его распоряжении девушку, грубо тянет ее голову вверх, нетерпеливо толкаясь огромным членом в закрытые губы. Звонкая увесистая оплеуха и отчаянное рыдание, переходящее в сдавленное мычание, говорят мне о том, что Дагу удалось все-таки засунуть свой поршень в ее хрупкое горло. Девушка трясется и вздрагивает, давится и хрипит от каждого грубого проникновения мужчины, втрое превышавшего ее размерами и намеренно причиняющего боль. Даг —воин, ему неизвестно понятие нежности, как и мне. Ухмылка трогает мои губы, когда рыдания Айи прекращаются, как и ее сопротивление, и приходит момент смирения и принятия неотвратимости происходящего. Огромные ручищи рвут ее волосы, и она безвольно позволяет Дагу насиловать ее.

– Шире рот, – рычит это обезумевшее от похоти животное, ударяя ее по щекам, и она покорно выполняет его волю. Я не испытываю ни малейшего возбуждения, наблюдая за резкими движениями головы Айи напротив члена Дага, причмокивающего от удовольствия, скорее презрение к низшим проявлениям человеческой природы. Они не чужды мне, нет. Порок – мое второе любимое блюдо… после боли.

– Гадкая неумелая тварь, – продолжает изрыгать ругательства Даг. Его огромное тело сотрясается, когда наступает разрядка, и вместо благодарности он отпихивает девушку ударом ноги в грудь, и та падает на пол, сворачиваясь в позу зародыша, пряча опухшее заплаканное лицо за темными волосами.

– Никчемная шлюха, где их только учат, Амид? – натягивая штаны, и тяжело дыша, спрашивает предводитель моей стражи.

– В Плезире не готовят одал к таким здоровякам, как ты, Даг, – с усмешкой сообщаю я. Вторая девушка бросается к своей подруге, пытаясь помочь ей подняться, но я не позволяю. – Стоять! Пошла вон отсюда, если не хочешь стать следующей, – приказываю я. Прижав ладошку к губам, испуганная девушка бросает последний полный сострадания взгляд на Айю и убегает прочь из моих покоев.

– Ты остался доволен ласками моей одалы, друг? – не сводя взгляда со скорчившейся на полу Айи, небрежно спрашиваю я.

– Нет, мой Амид, я не доволен, – кивнул Даг, приводя в порядок свои штаны.

– Подойди ко мне, Айя, – мягко, но в тоже время властно произношу я. Девушка вздрагивает, приподнимая голову. Она не может идти и точно так же, как недавно ползла к своему насильнику, теперь приближается ко мне. Еще недавно сияющие то преданностью и восторгом, то ужасом и мольбой глаза сейчас совершенно пусты. Я столько раз это видел. И мне не надоело. Никогда не надоест. Чужая воля, которая ломается на твоих глазах – лучшее лекарство от моей ярости, которая обжигает каждую клетку тела, стоит только вспомнить о нежданной в моем мире гостье.

Айа стоит на коленях, опустив голову в знак смирения и покорности. Я протягиваю ей руку. Ту самую, за которую она так отчаянно цеплялась несколько минут назад.

– Целуй, Айа. Целуй руку своего Амида, – хрипло произношу я, и когда ее дрожащие губы касаются кожи моих ладоней, горячий жар стремительно разгоняет кровь по моим венам. Вот что возбуждает меня на самом деле. Нет ничего слаще момента, когда они понимают, что только моя рука держит на волоске их никчемные жизни. И только я решаю, что с ней будет дальше.

Мои пальцы снова ласкают покрытую синяками и ссадинами кожу, задевая кровоточащие раны на разбитых губах. От неожиданной ласки девушка замирает, и я чувствую, как мои пальцы орошают ее соленые слезы.

– Ты можешь идти, Даг, – произношу я, не поднимая головы. – И проследи, чтобы сплетни о новенькой не разошлись по дворцу. Нуриэль не должен знать.

– Я понял с первого раза, Амид. Моя преданность тебе безгранична.

Когда страж покидает покои, я нежно провожу второй рукой по волосам девушки, пропуская их между пальцами.

– Ты должна всем рассказать о милосердии и доброте своего Амида, Айя, – ласково говорю я. И, вскинув голову, она с потрясением смотрит на меня. Опухшее от побоев лицо выглядит отталкивающе, как и блестящие капли семени Дага на ее подбородке.

– Милосердии? – охрипший голосом спрашивает девушка. Я отхожу от нее, чтобы ополоснуть ладони в специальной емкости для обмывания рук.

– Конечно, Айа, – бесстрастно отвечаю я. – Мой друг оказался не доволен твоими ласками, и я обещал ему, что отдам тебя его войнам, если так случится, но я не сделал этого. Разве это не милосердие?

– Да, мой Амид, – едва слышно шелестит голос девушки.

– Ты не можешь вернутся в мой харим, Айа. Я не пользуюсь одалами, которых испробовали мои стражи. Однако я позволю тебе пойти к твоим подругам и попрощаться, это ли не доброта, Айа?

– Да, мой Амид, – кивает она, безвольно опуская голову.

– Сразу после прощания, Айа, ты поедешь в Пятое Пересечение в услужение к Миноре, – произношу я свое решение.

– К Жрице Миноре? – с ужасом переспрашивает девушка.

– Да, – коротко отвечаю я.

Мелкая дрожь снова начинает сотрясать Айу, горький стон срывается с растерзанных губ. Я невозмутимо наблюдаю за ее кривляньями, вытирая руки атласным отрезом ткани. Айе есть чего бояться. Пятый сектор, которым заправляет Минора, известен тем, что утопает в крови жертв каждый раз, когда у правящей жрицы дурное настроение. Для смертных, вроде моей бывшей одалы, там очень мало шансов выжить.

– Молись Богам, девочка, и, может быть, они услышат тебя, – с иронией произношу я, поворачиваясь к ней спиной и обращая свой взор на юг. Я не слышу, как она уходит, но ощущаю, как энергия чужой боли прекращает питать меня, ускользая прочь.

Горизонт заливает огненное зарево, рассекаемое темными с невероятной скоростью перемещающимися туманностями, уносящимися в черную даль вечных снегов Креона. Планеты в небе вращаются, меняя друг друга по замысловатой траектории, на несколько предзакатных минут максимально низко опускаясь к землям Элиоса. Пляски Богов – так называют люди это завораживающее явление. После яркого представления Боги выключат все краски и на Элиос опустится непроглядная мгла.

Близится время Белой луны.

Закрываю глаза, когда резкий порыв ветра ударяет мне в лицо. Искрящаяся тьма пульсирует за сомкнутыми веками.

Пришло время молитвы.

Выбрасывая руку в сторону раскрытой ладонью вверх и не открывая глаз, перед мысленным взором яркой вспышкой появляются слова заклинания «Ego punctum via» (я указываю путь), и в это же мгновение пространство рядом со мной начинает вибрировать, меняться, раскрываясь для меня. Открывая глаза, я вступаю в световую воронку, проваливаясь в нее, и в следующую секунду оказываюсь в храме Саха на вершине дворца. Переход внутри Элиоса проходит без энергетических затрат, и порталы, которые я создаю, работают иначе чем Зеркала Креона, требующие постоянного контроля. Способность перемещаться в пространстве одного мира дана не только мне. Многие жрецы обладают данным даром, который успешно используют. Легенды говорят, что Правители павшей Минтаки именно таким способом, при помощи придворных магов и жрецов, собирались в главном храме Ори – Арьяна для решения политических задач и поклонения Богу. Единственное место, которое является недоступным для жрецов и магов Элиоса – Креон.

Шагнув на идеально ровную круглую монолитную площадку из белого камня, поднимаюсь по ступеням, располагающимся по периметру храма, и оказываюсь в продуваемом всеми ветрами пространстве между четырех мощных белых фигурных колонн, увенчанных декоративном горизонтальным фризом и накрытых рельефными плитами. Это место построил я сам, и оно для меня священно, как и все, что происходит внутри храма. Именно здесь, а не в зале с Зеркалами Креона, где тоже установлен алтарь и приносятся жертвы, я ощущаю присутствие темного Саха, его благословение. Сегодня впервые он явился мне в нижних отсеках дворца, и я наделся получить ответ на мысленный вопрос, который не оставлял меня с момента, как я увидел огненную рию, вернувшуюся домой самостоятельно.

Черные звезды загораются в потухшем небе, когда я опускаюсь на колени перед алтарем своего Бога. И я надеюсь, что сегодня он не призовет меня к ответу и не потребует заплатить непосильную цену за мой обман.

Мандиса

Я до последнего надеялась, что очнусь в больнице. Или на яхте рядом с мирно сопящим Оуэном. Наверное, его смазливое лицо даже бы не вызывало у меня раздражения и желания скинуть его с кровати. Я могла бы прижаться к его плечу, заплакать и рассказать бы о своем дурном сне. Он бы не стал слушать, скорее бы назвал меня «его глупой куколкой», и мы бы занялись сексом, который бы не принес мне ничего кроме ощущения пустоты и одиночества. И все же…я бы знала, что не сошла с ума.

Все мои надежды летят к черту, когда я прихожу в сознание внутри просторной комнаты на мягкой кровати. Голова раскалывается, словно вчера я выпила не бокал вина, а бутылку виски. И мне кажется, что я проспала несколько суток.

Тошнит и кружит, полный дискомфорт в теле и слабость в мышцах. Страх, забившийся в самые отдаленные уголки тела. Шоковое состояние. Я постоянно хаотично трогаю свое тело, старясь убедиться в том, что оно нереальное, но, к сожалению, никаких признаков того, что я в нематериальном мире, нет. Браслет впивается в кожу, несмотря на то, что он до этого был великоват мне. Пока я спала, змея будто плотнее обвила мое плечо и впилась в кожу ядовитыми клыками. Да, это обычный браслет, но с тех пор, как я его надела, мне в голову постоянным фоном лезут мысли о Кэлоне…

«Я бы хотел быть твоим Богом, Иса. И буду. И когда это случится, страх – это меньшее, что тебе придется испытывать. Я накажу тебя, Иса. Долго, мучительно, местами сладостно, но это будет больно. А потом прощу… если ты выживешь».

Смотрю на то, как кожа покрывается мурашками. Сердце переходит на бег, когда вспышки из воспоминаний озаряют мою память: обрывками я вижу красивую шкатулку на своей кровати. Другой кровати, в своей комнате. Я не видела эту спальню прежде во снах, но знаю, что она принадлежит Мандисе. Мои руки тянутся к шкатулке, и, когда я открываю крышку, из нее вылетают крошечные бабочки, начинающие порхать передо мной. На моем лице замирает легкая улыбка, я пытаюсь найти записку, чтобы узнать от кого этот подарок…но записки нет. Когда я в первый раз беру этот браслет, я уже ощущаю энергию, его темную энергию, до боли знакомую мне. И мне не нужны больше записка и слова…это Кэлон. Конечно, Кэлон. И крылья бабочек нежно ласкают мои щеки, шею и плечи, как никогда не будет нежен со мной их даритель…

Резко вдыхаю, когда ведение обрывается. Воспоминание Мандисы… мое воспоминание? Голова кругом. Как безгранична фантазия человека, и можно

умереть, погружаясь в них все глубже и глубже.

Садясь на постели, смотрю на свои ладони. Черт, кожа Кэлона горела, когда я прикасалась к нему…только на него я так действую? И почему сжигая его, я испытываю незабываемо сладкую силу? Даже жутко. Я не думала, что так приятно причинять боль именно ему, словно знаю, за что хочу отомстить. Все эти знания крутятся совсем рядом со мной, но найти им место на полочках своей памяти пока невозможно.

Ты все вспомнишь. Нужно время, Иса. – слышу нежный голос внутри себя. Щемит сердце…, наверное, таким тоном разговаривает мать со своей дочерью, а я прежде не слышала таких слов.

Почему я начинаю мыслить так, словно все, что происходит со мной сейчас – реально? Я так запуталась.

Может быть, это всего лишь длинный сон, может быть, я лежу в коме…что, если, чтобы проснуться, мне нужно все-таки добраться до портала? Других вариантов я не вижу. Или умереть…но умирать, хоть и во сне, не хочется. Я не хочу снова проходить через это.

Лежу на постели и снова начинаю трогать себя. Плечи, руки, живот, касаюсь кончиками пальцев горячих щек…Боже, этого просто не может быть. Но я из плоти, из крови, и никакие это не игры разума. Я здесь.

Ты там, где ты и должна быть, Мандиса. – раздается голос в голове. Мой голос…голос Исы из моих снов.

– Меня зовут Лианна! – вскакиваю с постели и тяжело дышу. Кто назвал меня Лианной? Я не знаю. Я помню себя с того возраста, когда уже училась в младшей школе и не получала ничего кроме издевок и презрения в свой адрес. Все мое детство – размытое пятно, словно его и не было. Я тогда разговаривала с детским психологом. Она сказала, что это нормально не помнить себя маленькой – так мое подсознание защищается от болезненных воспоминаний. А они могли быть какими угодно…Оуэн правду сказал – я подкинута в детский дом, и, судя по записям, мои родители отказались от меня. Неблагополучная семья – алкоголик и наркоманка. Странно, но эти факты о моих родителей никогда не причиняли мне истинной боли. Как будто я не могла сопоставить их с собой, со своей

жизнью…словно они были выдумкой, и мне не важно, что было в прошлом. Для меня всегда имело значение лишь настоящие, но и в нем – я не жила, существовала. Куда больше меня беспокоит Кэлон, капли крови на алтаре и его навязчивое желание проткнуть меня кинжалом. Думаю, никакими словами не описать страх, который испытывает человек, когда над его грудью заносится острый клинок, заляпанный кровью, чужой кровью, которая пролилась совсем недавно. Когда убийца припирает к камню всем весом своего тела и шепчет одурманивающие слова. Как женщина я, конечно, ощутила его мужскую силу. Мне хватило лишь легкого толчка и намека, чтобы оценить масштаб его напора, и то, как он повел бы себя, если бы воплотил свое желание в жизнь.

В его плену я ощутила жар, но потом…взгляд черных глаз читал и пил мою душу. Я чувствовала себя так, словно звезды отвернулись от меня, словно самые хорошие воспоминания, которых и так было мало, отняли.

Кэлон чертовски красивый мужчина. Казалось бы, в нем нет ни единого изъяна: пронзительный взор, лишающий воли, неприкрытая сила – физическая, духовная, бесконечная. Он раздавил бы Смита одним взглядом. Я заметила след от ожога на его затылке.

Такие остаются на всю жизнь.

Мои руки горят, кровь пульсирует внутри побелевших пальцев. Я нанесла ему этот ожог…но как это возможно? Неужели та сцена, что я видела, когда наглоталась таблеток, была реальной? В другом мире…конечно, я задумывалась о параллельных мирах, о космосе и других планетах, а кто не задумывался… И мне всегда это представлялось романтичным приключением. А на деле что? Мужчина, жаждущий моей крови и избиение с первых секунд?

Ладно. К черту. Пора выбираться из этого чистилища. Мне необходимо очнуться, вернуться в реальность…а если мне суждено вечность провести в этом лимбе, то я сделаю все, чтобы снова не превратиться в куклу.

С меня хватит. С Оуэном я была послушной и покорной ради денег, ради Криса…ничто не заставит меня поклониться мужчине, который возомнил себя…как он там сказал? «Я стану твоим Богом».

Самоуверенно. Высокомерно. Но я сомневаюсь, что достаточно быть всего лишь привлекательным и сексуальным, чтобы стать моим Богом. И вообще это нелепое словосочетание. Я не верю в Бога. Перестала верить, когда наш хрупкий мир с Крисом был разрушен войной.

Хожу по темной комнате, напоминающей мне апартаменты арт-отеля в Париже, где я останавливалась с Оуэном. Огромная высокая кровать, заправленная красным пледом, и туалетный столик, заставленный баночками, словно до меня здесь жила другая «рабыня». Перебираю баночки, чтобы хоть как-то отвлечься, считывая неизвестные мне прежде иероглифы. Не знаю, как это работает, но видимо мое сознание автоматически считывает этот язык и переводит его на английский. Черт возьми, иногда я ловлю себя на мысли, что думаю не на английском…

Расчесываю волосы, замечая в отражении, как дрожат руки. Не найдя в комнате ничего интересного, подхожу к одной из дверей и распахиваю ее: к моему удивлению, это выход на балкон. Порыв теплого ветра ласкает мои щеки, будто успокаивая. Я несусь вперед, подбегая к самому краю террасы, опираясь руками на каменный бортик. Смотрю на то, что предстает перед моим взором, и не верю своим глазам. Не верю, что это реально, пока в ноздри не ударяет сильный, пряный, свежий запах моря, который я не перепутаю ни с чем другим. Боже, как сладко. Вдыхаю полной грудью, на миг забывая обо всем на свете. Невозможно не забыться, когда видишь такую картину…розовое солнце, утопающее в море, придает синим волнам красные оттенки. Небо здесь другого сине-фиолетового цвета, а на нем не только луна, но и еще несколько небесных тел, похожих на планеты, которые видно невооруженным глазом. Опускаю взгляд ниже и едва сдерживаюсь, чтобы не закричать…даже мое богатое воображение не способно нарисовать, представить себе то, что я вижу. Я вижу город, раскинувшийся внизу, под дворцом, который находится на высоком холме или искусственной насыпи. Огромный остров в форме круга, поделенный на семь внутренних секторов, разделенных широкими водными каналами. Я не вижу деталей каждого из отсека, но у меня создается такое ощущение, что они совершенно разные. Я никогда ничего подобного даже представить не могла…

Ближайший ко мне сектор пестрит огнями, и мое сердце пропускает удар, когда я вижу высокие здания, напоминающие небоскребы Манхэттена. Наверное, это и есть доказательства того, что я все-таки сплю. Мои воспоминания здесь принимают извращенную и причудливую форму, и все же граничат с реальностью.

Я наклоняю голову, чтобы рассмотреть прилегающую территорию к замку. Отсюда видно, что замок имеет форму ослепительно-белой пирамиды, и создается впечатление, что он построен из белого мрамора. Дух захватывает, когда я смотрю на идеально ровные пропорции стен, отмечая полную симметрию линий. На каждой каменной платформе по периметру расположен сад, утопающий в цветах, благоухание которых доносится до меня.

А потом я вижу его…другого, второго мужчину из снов, не Кэлона. Я чувствую, прилив радости, когда пытаюсь разглядеть этого человека.

Нуриэль! – навязчиво шепчет внутренний голос.

Подавляю чувство восторга в своей душе, глядя на то, как мужчина в сопровождении человек десяти охраны, одетый в кожаную тунику до колена, направляется к замку. Не могу издалека рассмотреть лица…и тут же замираю, будто бы вспоминая его черты. Как я могу забыть? Его глаза, меняющие цвет в зависимости от настроения: от орехового и теплого цвета до яркого янтарного. Волосы собраны в короткий хвост на затылке. Я чувствую отголоски сильных чувств в своем сердце. Не могу понять, что именно они означают.

Мне кажется, я любила его…

Наблюдаю за тем, как люди, похожие на слуг и стражу, расступаются перед ним.

– Нуриэль! – сами кричат губы, и он поднимает голову. Посмотри на меня, посмотри на меня…но Нур не видит. Его зовет другая.

– Нуриэль! – одновременно со мной кричит девушка. Нур не придает мне никакого значения и направляет все свое внимание на нее. Мне бы хотелось увидеть лицо девушки, но издалека я могу наблюдать лишь стройную фигуру в синем платье с расклешенными рукавами.

Напрягая зрение, наблюдаю за тем, как Нуриэль обнимает девушку, и через пару секунд они в сопровождении охраны уходят за пределы моего видения. Сердце ожесточенно отбивает ритм, пока я испытываю легкий укол ревности, пытаясь анализировать все свои чувства и мысли. Воспоминания…

Нуриэль…знает ли он о том, что я вернулась? Я словно снова считываю мысли Мандисы, а потом смотрю на солнце, озаряющее последним лучом этот невообразимый город. В голове мешаются сотни воспоминаний и образов, обрывков моих снов, и голову пронзает острая боль. Невыносимо, до слез больно…нет, это не может быть правдой. Закрываюсь, блокируя поток хаоса, атакующий разум.

Очнись, Лианна. Мне нужно вернуться к Крису, я должна прервать этот идиотский сон, где каждая деталь реальна и продумана до мелочей. Даже гребанная пыль на туалетном столике…провожу по нему пальцем, возвращаясь в комнату и чихаю. Черт.

Внезапно я слышу шум, стук каблуков и женские голоса, переплетенные с мелодичным смехом. Странно…я думала, что здесь одна.

Нерешительно топчусь у своей кровати, желая просто лечь спать и забыться…но любопытство побеждает. Ощущаю запах еды и слышу звук столовых приборов. Никогда бы не подумала, что захочу есть во сне или в подобной ситуации…но резкий приступ голода заставляет меня двигаться в направлении еще одной двери. Распахиваю, надавливая на посеребренные ручки в форме крыльев бабочки. Попадаю в просторную гостиную в том же стиле, что и моя комната. За огромным столом сидит около пятнадцати девушек…все они разом перестают смеяться и что—то бурно обсуждать, переводя взгляд на меня. Мы молча рассматриваем друг друга, пока одна из них не нарушает молчание:

– Камилла, теперь она у нас самая новенькая, а не ты.

– С каких пор Кэлу нравятся страшненькие, София? – заливается смехом вторая, и я сжимаю кулаки, разглядывая каждую из девушек. Красивые, до тошноты красивые. Идеальные, приторные, сладкие…

– Милая одежда, – снисходительно замечает еще одна девушка.

– И мятая, – возводит глаза к небу следующая.

– Не слишком ли много внимания?

Молча вскидываю подбородок, свысока оглядывая стадо…пустышек на первый взгляд. Боже, это же просто воплощение мечты Оуэна. Я так понимаю, это и есть «низшие», «рабыни», или как там еще они говорили? Страшно представить насколько хороши «высшие». Я вновь ощущаю себя белой вороной, словно вернулась на десять лет назад в школу, где все обходили меня стороной. Сажусь во главе стола, напротив меня на другой стороне сидит девушка с пышной грудью, которую не в силах прикрыть ее объемные и густые волосы. Сказочная красота, но взгляд мне знаком – я часто вижу его в отражении: стервозный, расчетливый и цепкий. А вот это уже интересно.

– Новенькая, это не твое место, – замечает София (я слышала, как к ней обращались).

Прищуриваю веки, бросая ей вызов:

– Это мое место, – спокойно проговариваю я, но к еде не притрагиваюсь. Аппетит пропадает. Как, черт возьми, я вообще могла думать о еде в такой ситуации?

– Ненадолго, – ведет плечом София, откидывая часть волос за плечи.

– Девочки, успокойтесь. Кэлона хватит на всех. Мы все равны перед ним. Откуда ты сюда попала? Ты же прошла обучение? – обращается ко мне девушка справа. Закусывает пухлые губы, прикасаясь кончиками пальцев к своей щеке – у нее смуглая, шоколадного цвета кожа.

– Какое обучение? – из любопытства интересуюсь я. Может, они мне что-нибудь расскажут? О твоем же сне, идиотка.

– Обучение. Как доставлять удовольствие мужчине. Мы все здесь ради этого. Служить нашему Амиду, – нараспев сообщает девушка, и едва сдерживаю себя, чтобы не кинуть в нее вилку, которую сжимаю в ладони.

– Ах, да. Конечно. Я здесь, чтобы служить Амиду, – сквозь зубы бросаю я.

– Каждый вечер Кэлон вызывает к себе нескольких из нас. Иногда бывают дни, когда мы не нужны ему. Но он давно не звал нас в свою спальню. Думаю, это будет сегодня. Иногда мы просто развлекаем его, готовим ванну, а потом София

и еще несколько девушек остаются с ним…

– Почему София?

– Аманта (*на языке древних минтов – фаворитка, см. Глоссарий), – исподлобья поглядываю на Софию. Ее платье, в отличие от нарядов других девушек, полностью закрывают ее руки и шею, но от моего взгляда тяжело скрыть очевидное: под тканью она прячет синяки и следы от укусов, засосов, слишком жадных прикосновений…мурашки по телу. Что он делает с ними? Отвожу взгляд, когда замечаю багровые кольца на ее запястьях, словно девушка была связана. София перехватывает мой взгляд и тут же прикрывает след, натягивая платье до пальцев.

– Девочки, у меня от вас голова болит, – заявляет София, вставая из-за стола. – Роксана, Талия, Эрика, Николетта. Через час мы должны быть у Кэлона.

– А можно мне с вами? – подаю голос я, встречаясь взглядом с зелеными глазами Софии.

София смотрит на меня так, словно, если бы я стояла в метре от нее, она бы ударила меня или выцарапала бы мне глаза. Расплываюсь в легкой улыбке, не показывая ни капли смущения или страха. Я должна попасть к Кэлону. В момент, когда он наиболее уязвим и расслаблен. А дальше буду импровизировать. Не знаю, как, но я добьюсь ответов на свои вопросы, либо того, чтобы он позволил мне вернуться. Пусть звучит безумно, но я хочу избавиться, черт подери, от этого дерьма, что происходит в моей голове! Пожалуйста, только бы получилось…

– А ты, – высокомерно замечает София, снова теребя свои рыжие локоны. – Ты останешься здесь. Тебя не приглашали. К тому же я уверена, что твое появление здесь – ошибка. Ты недостаточно хороша, чтобы ублажать Кэлона. А уже рвешься к нему в спальню…запомни, я за тобой наблюдаю.

– Ну ты даешь, – обращается ко мне темнокожая девушка – Николлета, как называют ее другие. – Не стоит так разговаривать с Софией…знаешь, к амантам в хариме Кэлона особенное отношение. Все-таки она его любимица. И она всегда приходит к Кэлону первой и уходит последней…сколько бы нас не было, как бы мы не развлекали могущественного жреца, он всегда выбирает ее.

– Но почему? – а сама задаюсь вопросом: «жреца?».

– Никто не знает. Мы всего лишь рабыни, завезенные из зоны Мэйа в Шестом Пересечении. Мы из Плезира, это место где нас обучают искусству любви.

– Трахаться, ты хочешь сказать? – вырывается прежде, чем успеваю подумать. Николетта удивленно моргает, не понимая моего вопроса. – Эм, искусству секса?

– Нет, не только. Мы должны не только ублажать нашего Амида, но и уметь выслушать его, поддержать разговор…правда, это не работает с таким, как Кэлон. Он редко слушает. И он…он не знает, что такое любовь, – с грустью замечает девушка. – Не думаю, что могущественные темные жрецы и воины способны на любовь. Он не отдает себя, только забирает. Когда я выхожу от него, чувствую себя такой опустошенной. Словно внутри меня гаснет свет, словно я вся пропитана тьмой…и кровью.

– И нельзя уйти? Сбежать?

– Нет. Мне некуда идти. Лучше так, чем вернуться в Плезир с позором. Меня зовут Николетта, – представилась девушка.

– А меня…Ли…, – долго думаю, прежде чем закончить. Я не чувствую, что могу назвать себя прежним именем здесь. Я не хочу быть рабыней, не хочу даже пачкать свое имя подобным «званием». – Меня зовут Мандиса.

– Знаешь, я могу помочь тебе, раз ты так хочешь побыть с хозяином. Я в первый день тоже рвалась…пока не узнала, какой он на самом деле. Хотя всем остальным, конечно, нравится. Кэлон не одобрит мой поступок. Но, надеюсь, он не заметит моего отсутствия. Ты можешь пойти к нему вместо меня. К тому же он все равно сегодня проведет ночь с Софией. Он не так часто берет нас всех сразу. Обычно мы делаем ему массаж, набираем ванну, наполняя ароматическими маслами. Или просто ласкаем… – я скривилась от отвращения. Ужас. Я бы скорее спрыгнула с той террасы, чем приготовила бы ванну для Оуэна. Или трахалась бы с ним просто так, по требованию, безвозмездно.

– Откуда ты? Я не видела тебя в Плезире, где обучалась. Никогда. И у тебя довольно необычная внешность для наших из Элиоса. Не пойми меня

неправильно, ты, возможно, красивая…но я никогда не видела в хариме Кэлона таких девушек.

– Я… – слова застревают в горле. – А я не помню, откуда я. Потеряла память, когда оказалась здесь. И я очень мало знаю обо всем…даже не знаю о том, кто такой Кэлон.

– Он…так странно рассказывать тебе очевидные вещи. Он – правая рука Нуриэля, нашего Правителя. Один из жрецов Креона, использующий свою силу во благо, во имя служению Нуриэлю. Однажды Кэлон спас жизнь Нуриэля, и с тех пор является его главным жрецом и управляющим армией, и всеми делами в Элиосе.

– А почему ты не сходишь с ума по Кэлону, как все?

– Девочки чувствуют рядом с ним болезненную зависимость. Он же жрец, его могущество и сила опьяняют. Это как наркотик. Пробуешь один раз и не можешь жить без этого, пока не отдашь всю себя…пока он не осушит тебя до дна. Но на меня не подействовали его силы. И почему…неважно.

– Влюблена в другого? – читаю то, что написано в глазах Николетты. – Я никому не расскажу.

– Тебе не стоит быть такой дерзкой. Особенно с Софией. Одна девушка, которая тоже искала частых встреч с Кэлоном, умерла.

– Как? – замираю от шока я, не веря в то, что у девушек ведется настоящая борьба за кровожадного убийцу.

– Лучше не спрашивай. Не хочу вспоминать…но ее тело было изуродовано и использовано стражей в тот жуткий день. А вчера еще одна девушка пострадала. Айа, она совсем недавно появилась у нас и выглядела такой милой до того, как побывала в покоях Амида. Ее словно выключили изнутри. В такие минуты я думаю о том, что Сах скоро навсегда завладеет нашими сердцами, и Элиос превратится в Креон…

Я стараюсь растолковать слова девушки, но пока не понимаю их. Хотя, судя из контекста, очевидно, что Сах – синоним слова «дьявол».

– Кстати, не забудь переодеться. У нас в замке не принято ходить в такой одежде. Что-то подобное я видела только на Пересечении…

– Что такое – Пересечение?

– Ты не знаешь? Ах да, проблемы с памятью. Пересечение – это одна из семи зон, подвластных Правителю. Здесь, в сердце Элиоса, единственном обитаемом острове на Иасе, мы чтим традиции предков и живем, как первородные Минтаки.

– Слишком много новой информации, – тяжело вздыхаю я, пытаясь продумать то, что буду делать, когда попаду к Кэлону.

– Все, что тебе нужно знать – это быть послушной одалой для своего Амида. Это не так трудно. И многие мечтают оказаться на нашем месте, – смиренно говорит Николетта, опуская взгляд в тарелку.

Еле сдерживаю рвотный позыв. Куклой для своего хозяина? Нет. Ни в одном из миров я больше не буду куклой. Тем более для убийцы.

Кэлон

Как всегда, во время трапезы Правителя я нахожусь по правую руку от Нуриэля, его прекрасная жена Тенея слева. В ней нет крови Правителей Минтаки, иначе бы она сейчас здесь не сидела, а давно бы скрылась в мерцающем тоннеле седьмого портала. Однако Тенея относится к древнему роду, служившему Правителям верой и правдой многие тысячи лет. Из приглашенных Глава Шестого Пересечения – светлый маг Элим со своей супругой, разделяющей его ремесло. Союзы светлых магов не приемлют мезальянса. Силы супругов должны быть или равны, или соответствовать друг другу, чтобы не было потерь в брачном союзе. В обратном случае один становится донором, а это недопустимо. Сила должна все время расти и пополняться. Для темных жрецов любой брак под запретом. Как и для темных магов. Черная магия изначально замешана на

противостоянии. Подобные союзы были бы смертельны и опасны, как для самых жрецов и магов, так и для окружающих.

Стол ломится от многочисленных яств, слуги постоянно подносят новые блюда, забирая остывшие и попробованные, и подливают вино в кубки, а на небольшом постаменте в центре тронного зала извиваются полуобнажённые одалы самого Правителя, услаждая наш взор. Просто идиллия, за исключением того, что белый маг рассказывает о вспышках недовольства на Пересечении. Его религия не позволяет ему быстро и действенно справится с восстанием, и он пришел просить совета у Нуриэля.

– Люди напуганы, Правитель. Темная жрица Минора, соседствующая со мной, нарушает всевозможные законы. Ее стражи проходят через границы Пересечений и забирают моих людей, чтобы подвергнуть их пыткам или использовать для проведения магических ритуалов. Она нарушает территориальные границы, отказывается вести переговоры и использует магию за пределами своих владений. Непонятные болезни, которые косят людей сотнями, гибнут животные и дети. Все маги Пересечения не справляются с потоком атак, которые совершает жрица. Ее действия сеют панику в массах. Люди напуганы и просят навести порядок в городах, за которые я несу ответственность. Я слышал, что твой жрец поддерживает хорошие отношения с Минорой. Возможно, ему удастся призвать ее к сотрудничеству, – начинает Элим издалека, я бросаю на него снисходительный взгляд, не произнося ни слова. Нуриэль берет кубок, подносит его к губам, делая большой глоток, и поворачивается ко мне.

– Минора была у нас недавно, Кэлон? Или мне изменяет память? – небрежно спрашивает Нуриэль.

Я поднимаю на Элима тяжелый взгляд. Потом перевожу на его жену, мгновенно покрывшуюся румянцем. Я знаю, что обо мне говорят на Пересечениях. Именно поэтому она надела платье, едва прикрывающее грудь. Я смотрю в расширившееся зрачки светловолосой девушки, посылая ей видение с образами, где жестко и неистово беру ее сзади в темных коридорах дворца, задрав до талии платье. Жена светлого мага чуть приоткрывает губы, ее грудь вздымается, выдавая возбуждение, но Элим даже не догадывается, что она в шаге от оргазма. Светлые на подобное не способны. Я криво улыбаюсь, продолжая мысленно вдалбливаться в содрогающееся тело женщины, и, дойдя до грани, она отчаянно стискивает побелевшими пальцами кружевную салфетку

на столе. Однако останавливаться она не намерена. Чувственная улыбка на губах только подтверждает мои мысли. Что, второй раунд?

– Я действительно близко знаком с Минорой, – невозмутимо произношу я, переводя взгляд с обессиленной откинувшейся на спинку стула жены мага на него самого. Элим, озадаченный своими бедами, так и не понял, что только что стал рогоносцем. – Но какое значением имеют мои отношения с темной жрицей к твоим проблемам, Элим? Разве я правлю твоими городами?

– Я прошу о сотрудничестве. Разве не так вершились дела во времена Семи Правителей?

– Времена Семи Правителей канули в лету, – гневно отвечает Нуриэль, бросив на Элима яростный негодующий взгляд. – Я – единственный Правитель.

– Все Пересечения Элиоса славят твою силу и волю, Нуриэль. И именно поэтому я пришел просить у тебя помощи и совета, – склонив голову, почтенно произносит светлый маг.

– Погаси восстания и найди способ утихомирить Минору. Сам. Кэлон выполняет только мои приказы. Если не справляешься, я назначу другого на твоё место.

– Люди хотят мира. Только и всего, Нуриэль.

– Так дай им мир, Элим, – вступаю я в разговор. – Минора что-то хочет от тебя. Выполни ее просьбу, – произношу обволакивающим бархатистым голосом, чувствуя исходящие чувственные флюиды от ненасытной жены мага. И я даю ей то, что она хочет, замечая ехидный понимающий взгляд Нуриэля, который прекрасно знает о моих фокусах.

– Это невозможно, – побледнев, восклицает Элим. Я прикрываю веки, опуская глаза.

– Она не остановится, – говорю с уверенностью. – Я не собираюсь вмешиваться в ваше противостояние. Что Минора попросила у тебя, Элим?

– Керону. Мою жену, – отчаянно отвечает маг. Я едва сдерживаю смех, наблюдая за его метаниями. Никогда еще политические проблемы не решались так быстро. Глядя в тревожные глаза Элима, я посылаю ему образы, которые только что разделил с его супругой, развратные, местами омерзительные образы, где я выполнил все потаённые фантазии, заставив дважды кончить, держа под руку собственного мужа.

– Она все еще нужна тебе, Элим? – спрашиваю я, склонив голову на бок, с мрачным удовлетворением замечая, как застывает в потрясении светлый маг, как тяжелеет линия его челюсти и жесткие складки образуются вокруг губ. Он принял решение.

Керона, чье имя так похоже на название моей родины, поняв, что происходит, бросается к мужу, пытаясь убедить, что я обманул его, умоляет и падает на колени. Мое любимое место в представлении, с иронией думаю я.

Из трапезного зала дворца рыдающую и молящую о пощаде Керону вытаскивают стражи Элима. Сам он выглядит постаревшим на века, хотя это невозможно. Маги, жрецы и потомки Правителей не подвержены старению.

– Я помог решить тебе твою проблему, Элим? – вкрадчивым голосом спрашиваю я, пригубив рубиновое вино из кубка.

Бесцветный потухший взгляд останавливается на мне, и маг едва заметно кивает и, попрощавшись, как полагается с Правителем и его супругой, покидает зал.

– Сах тебя побери, Кэлон. Если ты хоть раз попробуешь провернуть подобное с моей женой, я замурую тебя в подвалах замка, – со смехом говорит Нуриэль, хлопнув меня по плечу. Тенея с легким раздражением смотрит на меня и быстро отводит глаза. Она немного меня недолюбливает, догадываясь о том, чем занимается ее муж во время ритуала приношения священной жертвы в зале с Зеркалами Креона.

– Никакие стены не помешают мне проделать это снова, – ухмыляюсь в ответ. – Но успокойся. Жена Правителя священна. Я бы никогда не посмел, – произношу я, успев заметить легкое разочарование на лице Тенеи, и с трудом сдерживаю самодовольную улыбку.

– Очень на это надеюсь, – кивает Нуриэль. И словно что-то внезапно вспомнив, внимательно смотрит на меня. – Мне показалось, я видел на балконе твоего харима новую одалу необычной внешности.

– Может быть, – небрежно пожимаю плечами в ответ. – У меня много девушек. Возможно, просто ты не видел ее раньше.

– Она выкрикнула мое имя так, словно знает меня, – не сводя с меня пристального взгляда, произносит Нур. Я чувствую разрастающийся внутри гнев, внешне оставаясь совершенно невозмутимым.

– Одала просто приветствовала своего Правителя. Разумеется, все одалы знают тебя, Нур.

– И правда, – рассеянно кивнул Нуриэль. – Не понимаю, почему я обратил на нее внимание. Просто в ней есть что-то необычное. Как-нибудь я загляну в твой харим.

– Нуриэль, – хлопнула по плечу своего мужа Тенея. – Вообще-то, я здесь и все слышу.

– Это шутка, родная, – смеется Нур и обнимая жену за плечи, привлекает ее к себе. Но в каждой шутке есть доля правды. Правитель является искусным лжецом. Как и я.

– Завтра на площади состоится казнь заговорщиков из третьего Пересечения, Кэл, – обращается ко мне Нуриэль. – Я хочу, чтобы ты лично провел экзекуцию. Задумавшие смуту против моего режима должны лицезреть, с какой неравной силой имеют дело.

– С удовольствием исполню твою волю, Правитель.

– Я так и думал, – удовлетворённо кивает Нур. – А сегодня хорошенько отдохни, Кэл. Наберись сил и энергии для завтрашнего представления.

– Именно этим я и собираюсь заняться, – мрачно сообщаю я, вставая из-за стола. – Доброй ночи, Правитель, – учтиво прощаюсь я, стремительным шагом покидая трапезный зал.

Я направляюсь в южное крыло дворца, в покои, где обычно принимаю одал из своего харима, когда у меня возникает желание получить сексуальное удовлетворение. И заодно насытить не только телесный, но и энергетический голод. Мне приходится взять всю свою волю в кулак, чтобы не послать за своей новой одалой, но я не делаю этого лишь по одной причине. Потому что знаю наверняка – она придет сама.

Мандиса. Ее имя эхом проносится в моей голове, и нет никакой силы, способной изгнать оттуда самую непокорную и недоступную девушку из всех, что я познал на своем веку. Я не понимаю, как ей удалось вернуться, но я сделаю все, чтобы она пожалела о том, что оказалась здесь раньше, чем я планировал. Исе больше не уйти от неизбежного, от единственной судьбы, которая предначертана ей единственным Богом, которому она будет поклоняться. Мной.

И пока я петляю по бесконечным коридорам, минуя пролеты лестниц, проходя сквозь просторные залы, моя память играет со мной злую шутку, возвращая во времена, которые я бы хотел забыть. Отматывая колесо времени на сотни лет назад к тому моменту, когда шестилетней девочкой Мандиса впервые вошла во дворец, держа за руку молодую жену Эридана, отца Нуриэля. Актавия стала второй женой единственного Правителя, выжившего после Чёрной жатвы. Его первая супруга погибла, и он выбрал себе новую спутницу, в жилах которой текла благородная кровь сыновей Ори. Мандиса являлась осиротевшей племянницей Актавии, и та взяла ее с собой в дом мужа, потому что других опекунов у девочки не было.

К тому времени я уже служил во дворце. И занимался личной охраной и защитой наследника Эридана. Правитель, почитавший светлого Ори, никогда бы не принял в свой дом темного жреца, если бы его сын не заболел неизвестной заразой, которая стремительно подкосила силы молодого наследника. Нуриэль умирал, и никто не мог поставить его на ноги, ни один Маг и светлый жрец Элиоса не нашел лекарства от непонятной болезни. И основной причиной ухудшающегося с каждым днем состояния Нуриэля называли проклятие Богов, наказывающих Правителей и их потомков за нарушение запрета, которое в последствии обрушило Минтаку. Именно тогда зародились ростки сомнения и бессильной злости в душе Правителя. Встав перед угрозой потерять своего

любимого и единственного сына, Эридан отвернулся от своего Бога, не пожелавшего прийти на помощь.

И когда храмы Ори стали пустовать, а Правитель впал в уныние, появился я.

Черное дыхание Креона пришло на священные земли Элиоса, преобразив его до неузнаваемости.

Нуриэль встал на ноги уже через сутки, а спустя неделю не осталось ни одного следа от его болезни. Я остался во дворце в качестве лекаря и телохранителя наследника, а после трагической гибели Эридана стал тем, кто я есть сейчас.

Я не был темным жрецом, когда Мандиса появилась во дворце. При жизни Эридан не позволил бы мне строить храмы для почитания Саха и совершать ритуалы с применением черной магии. Однако все знали, откуда я пришел, и насколько велика моя сила. Обитателя дворца боялись меня, ощущая, насколько уязвимы передо мной, но Нуриэль считал меня своим спасителем и доверял мне свою жизнь. А маленькая Мандиса предпочла делать вид, что не замечает меня. Впрочем, как я не замечал ее.

Тогда мне не было никакого дела до тихой рыжей девочки, постоянно прячущейся в коридорах дворца, стоило мне появится на ее пути. Не обращал я внимания и на неприятное ощущение, которое горячими иглами покалывало кожу, когда она проходила мимо. Слишком много событий происходило тогда: бесконечные кровопролитные войны и междоусобицы, битва за власть, хаос и разруха, голод, эпидемии и стихийный бедствия, снова и снова обрушивающиеся на многострадальный Элиос. До мира еще было очень далеко. Воды, покрывающие Иас, обагрились кровью. Нам с Нуриэлем пришлось пройти сквозь ад, чтобы утвердить его власть. Мы создали новую империю на руинах старой, заставив ценой многочисленных смертей и жертв признать Нуриэля единственным Правителем. Но это случилось уже после гибели Эридана. Его смерть стала началом создания того Элиоса, которым он стал сейчас.

И когда подобие мира установилось на землях, подвластным Нуриэлю, я неожиданно для себя заметил, как выросла Мандиса. Мы оба заметили. Но только один из нас мог прикоснуться к ней.

И это был не я.

Мандиса

Через час мы с девушками идем по длинному коридору сквозь анфиладу комнат в готическом стиле в сопровождении охраны. София ушла раньше всех с толпой отдельных телохранителей. Пока мы идем, я все время порываюсь сбежать, но оглядывая бесконечные лабиринты замка, понимаю: бежать некуда. И здесь всюду охрана…

Не думала, что мы с Кэлоном так быстро встретимся снова, но я должна заставить его…сделать что? Возродить меня? Вернуть? Как глупо. Потому что с каждой секундой, все глубже и глубже погружаясь в этот «сон», я понимаю, что нет пути назад. Что я умерла. И это моя новая жизнь. Ад или гребанное перерождение, перемещение, что угодно…это что-то, откуда нет выхода. Нет! Но упрямый характер никогда не позволит мне сложить ручки и сдаться. Я покажу зубки этому «великому магу».

Я захожу в комнату последней, замечая спину Кэлона. Взгляд скользит по теплой бежевой плитке, пока не натыкается на коричневые сапоги. Смотрю выше, и по движениям рук жреца понимаю, что Кэлон развязывает шнуровку на своей тунике. Девушки подлетают к нему быстрее, чем я успеваю моргнуть. Быстро окидываю взглядом просторную «ванную комнату», где вместо привычной ванной – джакузи в полу. Боже, ну что я здесь делаю?

– Сегодня мне нужна только София. Но я не откажусь от массажа, —спокойным, чувственным голосом произносит мужчина. Сейчас он говорит совсем иначе. Когда я снова перевожу взгляд в сторону Кэлона и девушек, мне невольно хочется его отвести.

Как бы мне не хотелось не смотреть на него, мой взгляд жадно прилипает к телу мерзавца. Браслет сильнее сдавливает плечо, перед взором все плывет, и я не замечаю ничего вокруг кроме этого мужчины. Наваждение. Сваливая все на первобытную женскую природу и свое любопытство, я кусаю губы и скольжу взглядом сначала по его ногам. Поднимаю от ступней, отмечая цвет кожи с легким бронзовым оттенком, следую выше, замечая мощные и сильные ноги. Не останавливаю взгляд на ягодицах, но и секунды достаточно, чтобы отметить

крепкий зад, налитый свинцом, и ямочки на бедрах. У меня спирает дыхание, и я скорее останавливаю поплывший взгляд на пояснице мужчины. Такой крепкий торс и узкие бедра, что я невольно представляю их в движении…черт! Гребанный дьявол.

Беглым взглядом прохожусь по замысловатым символам на его спине, и, наконец, вижу белесый шрам на смуглой коже плеча и свежий бардовый на запястье. Шрамы от ожогов, которые оставила…я. Сердце сжимается, падает вниз…не понимаю вновь нахлынувших чувств.

Нервно сглатываю, продолжая разглядывать рельефные мышцы на его спине. При малейшем движении они вырисовываются под кожей, и я даже могу понять девушек, которые уже во всю прикасаются к ним, ласкают. Кэлон мужественен. Тело воина, закаленное в битвах. Я таких не видела прежде, не смела и представить. Он не просто натренированный, а по-настоящему сильный, применяющий свою силу…ту, от которой коленки подкашиваются, и хочется спрятаться и прикоснуться к ней одновременно.

Так. Он просто красивый мужчина. Точнее дьявол в обличии красивого мужчины, и я должна перестать на него пялиться…

К тому времени, когда здравый смысл возвращается ко мне, я замечаю рукоятку кинжала среди одежды, скинутой на пол. Но, кажется, это не тот кинжал, которым он угрожал мне, когда я только появилась в этом чертовом мире.

Сквозь туман слышу женский смех и его голос с низкими нотками. Кэлон опускается в воду, и две девушки следуют за ним. Третья направляется к столику, где расставлены емкости со средствами для банных процедур.

А я…я делаю вид, что нужно подобрать с пола одежду…

– И что ты здесь делаешь? – вдруг слышу голос с оттенком легкой угрозы. Кэлон по-прежнему находится в купальне ко мне спиной, и я уверена, что он меня не видел. Как тогда узнал, что я здесь? – Я, кажется, не звал тебя.

– Ты сказал сам, что я твоя одала, – смело отвечаю я. – И девочки просветили меня, в чем заключается моя роль.

– Моя одала, – словно пробуя на вкус сказанную фрау, протянул Кэлон. – И ты поспешила исполнить ее? – насмешливо спрашивает он. —Похвальное рвение. Мне нравятся покорные и умные одалы. Ты помнишь, что я сказал про браслет?

– Разве смею я ослушаться вас? – с издевкой парирую я.

– Если не смеешь ослушаться, почему ты еще в одежде? – я замираю, сердце проламывает ребра, когда до меня доходит смысл его слов.

– Что? – пересохшие губы не слушаются меня.

– Почему. Ты. Одета? – вкрадчиво интересуется Кэлон, и в его голосе нет ничего кроме непоколебимого требования.

– Мне…холодно, – кутаюсь в плащ, отчаянно защищая свое тело от его взгляда. Потому что Кэлон перемещается на другую сторону ванной и, опираясь на бортики локтями, смотрит на меня. Непрерывно…и глаза его сейчас голубые и чистые. Обманчиво светлые, манящие.

– Вода теплая, Иса. Согреешься, – его губы расплываются в чувственной улыбке. – Может быть.

– Не думаю… – опускаю взгляд в пол, чтобы сбросить с себя это наваждение. Мне кажется, что браслет еще сильнее сдавливает мне кожу, а низ живота тяжелеет, наливается постыдным, обжигающим желанием. – Позвольте поднять вашу одежду, – унизительно, но я должна отвлечь его.

– К черту одежду. Раз—де—нь—ся.

– Нет! – сжав зубы, восклицаю я. Даже девочки замирают и смотрят на меня, как на сумасшедшую.

– Разделась. Быстро, – коротко приказывает Кэлон. Хорошо. Я разденусь, подонок.В конце концов, твой триумф будет недолгим…

Плавным, даже слегка манящим движением спускаю накидку, обнажая плечи. Поджимаю одно, нерешительно кусая губы. На мне остается красное платье

простого кроя на тонких бретельках, одна из которых сползла вместе с тонким плащом. До конца оголяю плечи и обнажаю грудь его взору, резко выдыхая…неожиданно для себя самой. Мне не нужно видеть себя в отражении, чтобы знать, как она налилась в его присутствии и после пятиминутного осматривания его бедер. Не отвожу взгляд, затаив дыхание, смотрю в льдистые глаза, обрамленные угольно-черными ресницами. К моему удивлению, Кэлон тоже сначала смотрит в мои глаза, и только потом, будто слегка лениво, нехотя опускает взгляд ниже. Задерживает взгляд на моей груди, обжигая изнутри кожу. Этого ты хотел? Смотреть и не касаться? Ты не прикоснешься, не успеешь. Никогда я не буду, как кучка этих дур, ублажать тебя и улыбаться, напевая в ухо, как ты великолепен…

Я бы хотела, чтобы причиной моих заострившихся сосков был легкий сквозняк, но это не так…

К черту, скорее бы закончить с этим.

Опускаю платье еще ниже, спускаю с бедер. Ткань падает к моим ногам, и я медленно снимаю с себя последний элемент, заведя указательный палец за боковые лямки стрингов – предмету одежды, который здесь является экзотикой и вызывает небывалый интерес у Кэлона, с легким любопытством разглядывающего крошечный кусочек ткани, оставшийся на мне. На меня смотрят даже девушки. А я надеюсь, что не покраснела до цвета платья…ужас. За два года, проведенные с Оуэном, я никогда не чувствовала себя так унизительно. Надеюсь, цель оправдает средства…

– Этого достаточно? – приподнимаю голову, стараясь не потерять достоинства.

– Конечно, нет, Иса, – выдыхает Кэлон. – Я хочу, чтобы ты встала на колени и приползла ко мне. Ближе, – с каким-то маниакальным желанием унизить меня отчеканил он.

– Иди к черту! – мгновенно вспыхиваю я, и девочки смотрят на меня, раскрыв рты.

– Опять твои дурацкие словечки. Но мне нравится, когда ты ругаешься. Запомни этот момент, Иса. Он не повторится. Своим упрямством ты напрашиваешься на наказание. Поверь, Иса, если ты разозлишь меня, никто в этом мире тебе не

поможет, – его взгляд больно ударяет по мне, заставляя сжаться от неприятного предчувствия. – Ни в этом, ни в каком-то другом, – мрачно добавляет он.

Мне не нужно хорошо знать его, чтобы понять – ублюдок не шутит. Здесь я могу полагаться только на себя, помощи ждать неоткуда.

Мне придется это сделать, черт возьми. Минута унижения, и все будет кончено.

Презирая всем сердцем единственного мужчину в купальне, я встаю на колени. И тут, к моему счастью, одна из девушек обхватывает Кэлона за плечи и впивается в его губы. Сердце пропускает удар, но я успеваю достать скрытый под одеждой кинжал. Он тяжелее, чем кажется на первый взгляд. Такой холодный металл, что мои пальцы немеют, а сердце заходится в страхе. Девушки заняты Кэлоном, никто не обращает на меня внимания. А я ползу на коленях, мать его, проклиная ублюдка за подобное издевательство…абсолютно голая. Добираюсь до края импровизированного доисторического джакузи и замираю в нескольких сантиметрах от могучего тела Кэлона.

Я его ненавижу. Не убью кинжалом, так утоплю в этом бассейне. Говорят, это мучительная смерть. Мне она знакома…

– А что, если я стану твоей лучшей покорной девочкой? – переборов желание прикончить его сразу или потребовать то, что мне нужно, ласково шепчу ему на ухо. Кэлон отрывается от своих одал.

– А ты умеешь? – вопросительный взгляд с иронией смотрит мне прямо в душу, что-то переворачивая внутри, опаляя жаром. НЕ знаю, как он это делает, но перед глазами мелькают яркие эротические картинки. Где я… где он. О, черт, прекрати. Я мысленно кричу, прогоняя его из своей головы, и замечаю легкое недоумение в расширившихся зрачках Кэлона. Мне все равно, что его удивило. Я могу дышать снова, а это главное.

– Я многое умею, – беру губку и прижимаю ее сзади к его затылку. Нежно веду по коже, запуская руку в мягкие волосы. Сейчас мои касания не ранят его, но я буквально ощущаю, как горят ладони, но что-то блокирует их силу. Браслет…он сдавливает предплечье. Мне хочется верить, что именно навязанное украшение является источником моего неконтролируемого желания.

– И это все, на что ты способна, девочка? – равнодушно бросает Кэл, пока я пытаюсь удивить его своими ласковыми движениями. Нужно расслабить его сильнее…

– А мне нравится, Кэл. Ты мне нравишься. Я никогда не встречала такого мужчину. Сильного, от одного взгляда которого замирает сердце. Там, откуда я пришла, таких нет. Ты единственный, – прикасаюсь мочалкой к его шраму, шепчу на ухо нежно-нежно, едва касаясь мочки губами. Черт возьми, я схожу с ума, но начинаю утопать в желании, которое испытывает часть меня, ненавистная часть меня, ненасытная…ни шок, ни вера в то, что все это сон, не помогает спастись от наваждения, которое волнами атакует тело.

– Если бы ты потрогал меня, ты бы почувствовал, насколько я готова для тебя… – шепчу, чтобы не слышали девочки, ощущая мелкие разряды удовольствия, опоясывающие бедра.

– Черт, Иса… – рычит Кэлон, произнося те самые словечки, за которые недавно отчитал меня. Продолжаю ласкать одной рукой мощное великолепное тело острожными движениями, и, когда вижу по его мышцам, как он расслабляется, достаю из-за спины вторую руку с зажатым в побелевших пальцах кинжалом и приставляю его к горлу. Все происходит мгновенно. Так быстро и просто. О, да. Как сладко. Мне даже не хочется умолять его вести меня к Порталу, я хочу просто прикончить его, потому что ничего не могу поделать с ненавистью, которую испытываю к нему. Словно она у меня в крови, и все мое существо пропитано ей. И я уверена, что Кэлон сполна заслужил то, что я к нему чувствую.

– А теперь отведи меня в свой долбанный зал с зеркалами и позволь мне проснуться! Я не собираюсь быть твоей одалой или кем-то еще. И меня зовут Лианна, мать твою. Понял? – уверенно требую и кричу я. Девушки испуганно вскрикивают и замирают на своих местах, глядя на меня как на полоумную. С раздражением я замечаю жалость в их глазах. У всех кроме Софии, которая смотрит на меня с ненавистью и злобой. Пошли на хрен, дуры. Я справлюсь с ним в отличии от вас. И только сам Кэлон кажется по-прежнему расслабленным и спокойным, не смотря на прижатое к его горлу острие кинжала.

– И что ты по-твоему сейчас делаешь, Лианна? – судя по издевке в его голосе, он не собирается меня останавливать. Черт…только сейчас до меня доходит, что, возможно, мой план был провален изначально. И великого жреца Креона, как сказали девочки, не убить обычным кинжалом…но он же человек! Из плоти и

крови. Я видела, как шипела и обугливалась его кожа, когда я прикасалась к нему. Я видела… в своих видениях и в том жутком зале на окровавленной алтаре. Всего лишь человек…он не Бог.

– Собираюсь убить тебя! – задыхаясь от гнева, кричу я, и когда приставляю кинжал к его шее еще ближе, собираясь слегка ранить, чтобы убедить в серьёзности своих слов…вдруг понимаю, что мои руки пусты. Железо прямо на глазах растворяется, стекая серыми ртутными каплями сквозь мои пальцы. Черт…как это возможно?

– Сила огня дала бы больше эффекта, Иса, но ты слишком глупа, чтобы понять, что это. Глупость в этом мире искореняется легко и быстро. Уже через час ты выйдешь отсюда значительно поумневшей, – от мрачного обещания и стали в его голосе температура в ванной мгновенно опускается на несколько градусов. – Девочки, оставьте нас ненадолго, – совсем другим тоном обращается Кэлон к своим одалам.

И девушки молча уходят, поднимая с мраморного пола свои одежды. София задерживается, но Кэлон делает резко движение головой, и, опустив глаза, она присоединяется к остальным. Взгляды девушек с сочувствием останавливаются на мне, когда они прикрывают массивные двери в окутанное паром помещение, но вместо благодарности за их неравнодушие я ощущаю только бессильную ярость, разрывающую меня изнутри.

Может быть, я и проиграла. Но так просто не сдамся.

Кэлон

Удивительно, но я почти не ощущаю ее страха. И даже когда мы остаемся одни в купальне, Мандиса по-прежнему излучает упрямство и злость, абсолютное нежелание покоряться мне. Даже смешно и интересно. Никогда еще женщина не угрожала мне убийством. Или просто я не встречал настолько глупых женщин? Возможно, она еще просто не освоилась и не поняла правила, который действуют в этом мире. Я с радостью помогу ей выучить самые главные первостепенные для нее. Поступок Мандисы не разозлил меня, не удивил. Напротив, она дала мне повод поступить так, как я хотел с первого момента ее

появления в Зале Врат Креона. Странно, что мне вообще нужен повод. Я никогда не искал причин с другими женщинами, мне и в голову не приходило думать о них больше того времени, что они удовлетворяли мои потребности.

С Мандисой все было не так. С самого начала и до сих пор.

Не знаю, что во мне преобладает: больше желание поставить ее на колени, превратив в жалкое подобие себя прежней, удовлетворив свою жажду мести, или убить ее и покончить с многовековой одержимостью.

Первое куда слаще, зато второе – практичнее и похоже на меня.

Жрецы не поддаются страстям. Это человеческая слабость.

Но абсолютно любой мужчина, жрец, маг или Правитель, или даже сам Бог всегда хочет получить ту единственную женщину, которая ему недоступна. И даже все силы природы и магия против этого союза.

Я слишком долго ждал момента своего триумфа. И он настал.

Опираясь локтями, а потом ладонями на край купальни, выбираюсь на влажный мраморный пол и направляюсь к ней. Глядя в распахнутые непокорные глаза Мандисы, я вижу в их глубине прежнюю испуганную хрупкую рыжую девчонку, которая шарахалась от меня и боялась. Я никогда не делал ей ничего плохого. Но она все равно боялась. Это было заложено в ее генах. Наследница Правителей – избранников Ори, тем не менее она служила Элейн, лунной Богине, и та одарила ее силой, которая позволяла Мандисе противостоять темным магам и жрецам Саха. Но это долгая история, и сейчас нет в ней никакого смысла, кроме того, что я всегда хотел ее, но не мог взять, а когда нашел способ, ее сердце уже выбрало другого. Несвоевременность, проклятие, рок, неважно, что привело нас сюда снова.

– Ты боишься? – с обманчивой мягкостью спрашиваю я, глядя ей в глаза, но оставляя между нами пространства. Ощущаю ее дрожь и вожделение, еще недостаточно сильное, что не удивительно, учитывая ситуацию. Не разрывая зрительного контакта, Мандиса отрицательно качает головой.

– Напрасно, – вздыхаю я, опуская взгляд на идеальной формы груди с острыми сосками, ощущая острое первобытное желание распаковать свой подарок здесь и сейчас. В каком бы теле она не была, мои реакции не меняются. Ее непокорная душа и злополучный запрет, который безумно бездумно хочется нарушить. Сию минуту, но это было бы так просто и примитивно. Она позволит мне и даже получит удовольствие, но это не будет полноценной победой. Я хочу ее страх, ее боль, агонию души и тела. Хочу видеть Мандису на коленях, подобную другим рабыням, покорную, смиренную. Сломленную. Это будет просто интересно, чувственно. И когда от нее ничего не останется, я позволю ей вспомнить, как все могло быть на самом деле, но не было. Из-за нее.

– Что ты можешь сделать, Кэлон? – воинственно вздернув подбородок, спрашивает она, вызывая у меня невольную ироническую улыбку. – Убить меня? Мне не страшно, я умирала. Использовать мое тело? Помешать я не смогу, но смешна победа мужчины, вырвавшего ее силой у слабой женщины.

– Какие речи для дешевой шлюхи, – резко бросаю я, схватив ее лицо за скулы, до боли впиваюсь в нежную кожу. – Именно так тебя называли там, откуда ты пришла?

– Я не была дешевой, Кэлон, – насмешливо парирует Иса, выводя меня из себя.

– Твое истинное «я» проявилось даже в новой жизни, – яростно шиплю и врываюсь взглядом в ее сознание, прокручивая, листая события всей ее жизни в третьем материальном мире. Мне хватает нескольких секунд, чтобы увидеть полную картину. Сопротивление смешно и нелепо, она испытывает боль от моего вторжения в ее память, так и должно быть.

– Смотри в глаза, – жестко приказываю я, усиливая хватку, и, всхлипнув, девушка повинуется, хотя у нее просто нет другого выхода. Последние недостающие кадры, и я отпускаю ее разум. Однако мне все равно кажется, что я упустил нечто важное. Я не увидел, как она попала сюда, что стало причиной и предвестником. Но зато заглянул в кое-какие моменты, которые вызвали во мне прилив неконтролируемой ярости. Она отдавала свое тело мужчинам, которые платили деньги, содержали ее и пользовали, как хотели. А ей нравилось, этой суке нравилось.

Схватив ее за горло, я сильно сжимаю пальцы, заставляя ее задыхаться точно так же, как на алтаре несколько дней назад. Поднимаю вверх, как тряпичную куклу и швыряю на остывшие плиты. Она падает на спину, хватаясь за горло, сгибая ноги в коленях и отползая прочь. Я вижу, как долгожданный страх закрадывается и расцветает в ее груди, расправляя свои черные крылья.

– Ты лгунья, Иса, ты хорошо знаешь, как быть покорной одалой для Амида. Мне стоит спросить, сколько ты стоишь, или дашь так? Бесплатно?

– Я сделаю все, что ты захочешь. Если отправишь меня домой, – отчаянно восклицает девушка, поднимаясь на ноги и пытаясь прикрыть нагое тело волосами и руками. Ее взгляд испуганно замирает у меня ниже пояса, и я с ухмылкой улыбаюсь ей самой безжалостной из своих улыбок.

– Домой? – вскинув бровь, спрашиваю я. Между нами остается несколько шагов, и девушка, подняв голову, смотрит на меня снизу-вверх. Браслет на ее руке отвлекает меня на долю секунды от созерцания ее бледной нежной кожи, напомнив, сколько лет я жаждал прикоснуться к ней, пока Сах не подсказал мне возможность избежать запрета.

– Ты уже дома, Иса, – мягко продолжаю я, замечая, как подрагивают ее ресницы. Мои ладони ложатся на ее плечи, мягко сжимая, поглаживая, расслабляя сведенные напряжённые мышцы. Я знаю, что она чувствует, вся правда отражается в расширившихся зрачках, и я сам ненадолго попадаю под очарование этих аметистовых глаз. Она молчит, испуганная силой своих эмоций, и я шлю ей порочные образы, один за другим, заставляя пылать ее щеки. Иса дрожит, сжимая колени, выдавая с головой свое возбуждение, которое просто витает в воздухе. Я облизываю свои губы, пробуя его на вкус, и она в изнеможении откидывает голову назад, пытаясь избавиться от моих чар.

– Ты еще так и не поняла, девочка? – продолжаю нашёптывать я приглушенный чувственным голосом. – Элиос – твой истинный дом. И, конечно, ты сделаешь все, что я захочу. Это – обязанность одалы. И если ты будешь хорошей девочкой, то обслуживать тебе придется только меня. Подумай хорошенько, прежде, чем что-то сказать сейчас.

– Иди к черту, – через силу произносит девушка, ее взгляд плывет, но она говорит совсем не то, что я хочу услышать. – Это все ненастоящее. Я бы никогда

не захотела тебя. Сама. И ты знаешь, что я права.

Все мои благие намерения не причинить ей много боли сразу испаряются, когда я слышу ее слова. Они задевают старые раны, взывают к черному зверю внутри меня. Почувствовав мой зов, он встрепенулся, открывая красные глаза, готовый вырваться наружу в любой момент. Видит Сах, я не хотел отпускать его, Иса. Ты сама меня вынудила.

– С чего ты взяла, что мне так сильно нужно твое тело, Иса? – с фальшивым равнодушием спрашиваю я, сильно сжимая пальцами плечи, которые только что ласково гладил. Мятежные глаза девушки выразительно скользят вниз по моему телу, останавливая взгляд на восставшей плоти.

– На колени, одала, – криво усмехаясь, бросаю я резким неумолимым тоном. Строптивый взгляд возвращается к моему лицу и замирает в потрясении. – Целуй руку своего Амида, рабыня, – рычу я, снова врываясь в ее сознание.

– Никогда, – хрипло отвечает она, задыхаясь от боли, но я надавливаю сильнее. Физическая боль ничто по сравнение с тем, что происходит сейчас в ее голове, парализованной моей волей. Слезы выступают на глазах Исы, когда не в силах противостоять мне она опускается на мраморный пол, дрожа всем телом. Я подношу руку к ее губам, презрительно наблюдая за ее жалкими попытками сохранить свою гордость.

– Целуй, я сказал, – яростный рык разносится под высокими сводами купальни. По стройному, склонившемуся передо мной телу проходит судорога боли, и ее сухие губы прижимаются к тыльной стороне моей ладони. Отчаянный гнев в глазах Мандисы сменяется жгучей ненавистью, не оставляя ей ни одного шанса уйти отсюда, сохранив хотя бы тень своего достоинства.

– А теперь сделай то, что с таким умением и удовольствием продавала своим никчемным любовникам. – И твоей оплатой будет жизнь.

– Нет, – отчаянный всхлип срывается с губ, ужас растворяется в распахнутых глазах, и я впитываю его весь до капли, предвкушая еще больше…. Намного больше страха и боли. Мой взгляд проникает глубже, туда, где никто и никогда не был, даже она сама, и, задохнувшись, Иса мотает головой, но на этот раз ей не удастся меня прогнать. Страх и отчаяние – это почва для моего зверя, его

любимое лакомство.

– Это последний раз, когда я тебя принуждаю, одала. Совсем скоро ты сама будешь умолять позволить тебе прикоснуться ко мне, – обещаю я, зарываясь пальцами в светлые, мерцающие неуловимым блеском локоны, стискиваю их и грубо тяну ее голову к своему пульсирующему члену. Совсем недавно Айа точно также пыталась сопротивляться Дагу, и я помню, какой покорной и готовой на все она выползла из моих покоев. Одной рукой заставляю Ису открыть рот, второй фиксирую ее голову, крепко держа за волосы, и тут же толкаюсь в тёплые губы резким грубым движением, не обращая внимания на сдавленный болезненный стон, который вырывается из ее груди. Слезы стекают по бледным щекам, но мне нет никакого дела до ее моральных и физических страданий. Она безучастно принимает толчки моего члена, и я даю себе полную свободу действий, ослеплённый искрами острого удовольствия, которые дарят ее мягкое горло. Вбиваюсь сильнее, не давая Исе вдохнуть, ощущая характерные спазмы, которые только добавляют мне острых ощущений, и, рыча от наслаждения, обхватываю светловолосую голову двумя руками, не позволяя отодвинуться ни на миллиметр, с бешеной скоростью имея ее рот. Большие пальцы рук скользят по щекам девушки, ощущая соленые слезы, размазывая их в грубой ласке.

– Где твой язык, Иса? Давай, одала, покажи, на что ты способна. Я видел, ты можешь лучше. Ну же, – с влажным звуком выхожу из ее рта и прижимаюсь головкой к тут же закрывшимся припухшим от яростного натиска губам. Иса пытается отдышаться, все также яростно глядя на меня.

– Ты мне противен, – хрипит она, и, несильно ударив ее по щеке, рывком накручиваю волосы на кулак, вырывая несколько прядей и силой толкаясь обратно в горячее горло. И у нее нет ни одного шанса нормально вздохнуть, пока не закончу. Горячая волна опоясывает позвоночник и, раскручиваясь спиралью, опускается ниже, заставляя меня стонать от ослепительных ощущений. Я бы хотел продлить ее агонию, но слишком долго я ждал этого момента. С губ срывается крик удовольствия, на мгновение оглушив меня своей мощью, достигает пика, погружая меня в чувственную нирвану. И это настолько сильно, что на долю секунды я проваливаюсь в пульсирующую густую тьму, вижу черные туманы Креона и мерцающие серебристым светом звезды. Кратковременный выброс души из тела. Впервые подобное происходит во время оргазма. Вскидывая руки, Иса упирается в мои бедра, когда горячая струя спермы ударяет в ее глотку. Она не захлебнётся. В этом мире Мандиса бессмертна… пока я не решу иначе. А то, что случилось сейчас, лишь малая

толика того, что ей предстоит испытать. Содрогаясь всем телом, прикрываю веками глаза, пытаясь прийти в себя. Минуты оказывается достаточно, чтобы восстановить дыхание. Отпускаю волосы Мандисы, и она отползает в сторону, не глядя на меня. Ее плечи мелко подрагивают, склонившись над полом и обхватив себя руками, она пытается справится с рыданиями, которые рвутся из ее груди. Я не понимаю, как она до сих пор держится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/d_aleks/pohititel-dush

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити